

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЯЗЫК
И
ТЕКСТ

Language
and
Text

langpsy.ru

№3 (6) 2019 год

international
electronic
journal

Содержание журнала

«ЯЗЫК И ТЕКСТ»

Выпуск №3-2019

<i>Рубрики, авторы, названия статей</i>	<i>Страницы</i>
МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКТОЛОГИЯ	
<i>Куркин Б.А.</i>	
Семь фраз блаженного Николки (место и значение образа Юродивого в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)	4–15
<i>Куркин Б.А., Мурашкина О.В.</i>	
Ненормативная лексика в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»: цель и значение	16–27
ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР	
<i>Бурлакова И.И., Губанова Л.В.</i>	
Определение процесса обучения (типы мотивации и теории)	28–34
<i>Михалкин Н.В., Аверюшкин А.Н.</i>	
Философский взгляд на язык как средство и способ реализации в вузе практико-ориентированного образования	35–42
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ	
<i>Голикова Т.А.</i>	
Основные тенденции формирования современной русской политической картины мира	43–50
<i>Корнев В.А., Дедова О.М.</i>	
Основные виды семантических отношений внутри лексико-семантических группировок	51–55
<i>Джампаоло Тардиво, Филиппос Китселис</i>	
Прометей или Амирани. Обновленное исследование о до-греческом субстрате и его происхождении	56–69
ПСИХОЛИНГВИСТИКА, СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА	
<i>Сиражудинов Р.М.</i>	
Продукты питания и напитки сельскохозяйственного происхождения в годоберинском языке	70–75
ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ	
<i>Лю Цинь Линь</i>	
Семантико-стилистический анализ поэтического пространства современной поэзии (на материале произведений студентов Московского государственного психолого-педагогического университета)	76–80
<i>Лю Цинь Линь</i>	
Жанрово-стилистические особенности стихотворений молодых поэтов Московского государственного психолого-педагогического университета	81–85

Content

JOURNAL "LANGUAGE AND TEXT"

№3-2019

<i>Columns, authors, papers</i>	<i>Pages</i>
WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY	
<i>Kurkin B.A.</i>	
Seven phrases of blessed Nikolka (the role and significance of the Holy Fool image in Alexander Pushkin's tragedy «Boris Godunov»)	4–15
<i>Kurkin B.A., Murashkina O.V.</i>	
Non-normativ lexicon in «Boris Godunov» tragedy by A.S. Pushkin: its goal and meaning	16–27
LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES	
<i>Burlakova I.I., Gubanova L.V.</i>	
The Definitions of Learning Process (Types of Motivation and Theories)	28–34
<i>Mikhalkin N.V., Averyushkin A.N.</i>	
Philosophical view of language as a means and way of implementing practice-oriented education at the university	35–42
PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS	
<i>Golikova T.A.</i>	
The main trends in the formation of the modern Russian political picture of the world	43–50
<i>Kornev V.A., Dedova O.M.</i>	
The main types of semantic relations within the lexical-semantic groups	51–55
<i>Giampaolo Tardivo, Philippos Kitselis</i>	
Prometheus or Amirani. An updated study on the Pre-Greek substrate and its origins	56–69
PSYCHO-, SOCIO- AND ETHNOLINGUISTICS	
<i>Sirazhudinov R.M.</i>	
Food and drink of agricultural origin in the Godoberian language	70–75
CHRONICLES OF SCIENTIFIC LIFE	
<i>Liu Qin Lin</i>	
Semantic and stylistic analysis of the works of young poets of the Moscow State Psychological and Pedagogical University	76–80
<i>Liu Qin Lin</i>	
Genre and stylistic features of poems written by young poets of the Moscow State Psychological and Pedagogical University	81–85

Семь фраз блаженного Николки (место и значение образа Юродивого в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)

Куркин Б.А.,

*доктор юридических наук, профессор кафедры Международного права
Юридического института ТГТУ, эксперт Германской службы академического обмена
(DAAD), Тамбов, Россия, kurkinba@gmail.com*

В статье анализируется роль и значение фигуры Юродивого в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». Автор выдвигает тезис о том, что образ Юродивого является центральным образом пушкинской трагедии, духовной осью и стержнем повествования. В статье показывается, что Юродивый является провидцем, прозорливцем, видящем в царе Борисе убийцу, а в «царевиче Димитрии» - с логической неизбежностью - самозванца. Николка предстает в образе человека, не подвластного наваждению и мороку, охватившим Русь, символа надежды на спасение.

Ключевые слова: греческое соответствие, кавказские языки, взаимодействия языков.

Для цитаты:

Куркин Б.А. Семь фраз блаженного Николки (место и значение образа Юродивого в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов») [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №3. С. 4-15. doi: 10.17759/langt.2019060301

For citation:

Kurkin B.A. Seven phrases of blessed Nikolka (the role and significance of the Holy Fool image in Alexander Pushkin's tragedy «Boris Godunov») [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst [Language and Text], 2019, vol. 6, no. 3, pp. 4-15. doi: 10.17759/langt.2019060301 (In Russ., abstr. in Engl.)

В отечественном и зарубежном литературоведении блаженный Николка из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» традиционно понимается в качестве выразителя «мнения народного», «народной совести» и обличителя царя. Какие-либо иные вариации исключительно редки.

Практически ни один из пишущих о «Годунове» не может обойтись без анализа семи фраз, сказанных Юродивым. Дерзнем, однако, утверждать, что и по сию пору тема места и роли образа Юродивого не является осмысленной во всей ее полноте и глубине. И причина тому – общий взгляд исследователей на мир, в котором разворачивается действие трагедии: либо сквозь оптику атеистического по своей природе позитивизма до революции, либо диамата с истматом – после нее.

Если понимать мир как историю, которую творит сам человек в соответствии с некими «законами общественно-исторического развития» («сам человек и правит», – как выпалил в сердцах известный герой М.А. Булгакова), то произведение Пушкина будет источником одних смыслов и образов. Если же мир пушкинского «Годунова» есть мир, в котором пребывает Бог, а история – Промысел Его («Провидение», как говорит автор

Куркин Б.А.
Семь фраз блаженного Николки (место и значение образа Юродивого в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 4–15.

Kurkin B.A.
Seven phrases of blessed Nikolka (the role and significance of the Holy Fool image in Alexander Pushkin's tragedy «Boris Godunov»)
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 4–15.

трагедии, «История, которую нам Бог дал», – скажет он в своем знаменитом письме П.Я. Чаадаеву), то общий смысл произведения и место Юродивого в нем станут иными.

В первом случае блаженному Николке будет отведена роль милого чудака с явными дефектами психики, городского сумасшедшего, режущего правду-матку прямо в глаза высшему начальству, во втором – святого, символа Святой Руси, – юродивого Христа ради, вставшего на путь одного из самых трудных подвигов святости и всецело посвятившего себя Богу и спасению душ ближних.

Юродивый

Образ блаженного Николки – это первое в русской классической литературе изображение русского «народного святого». И только после него возникнут Лукерья из «Живых мощей» И.С. Тургенева, Иван Северьянович Флягиниз «Очарованного странника» Н.С. Лескова.

Как уже отмечалось выше, в оценке образа Юродивого в отечественном литературоведении царит практически полное единодушие. В качестве «гласа народа» и «обличителя Бориса» предстает Юродивый у Ф.Д. Батюшкова [2:133], Б.М. Энгельгардта [30:70], Е.Ф. Шмурло [29:26], А.В. Тырковой-Вильямс [26:87], Д.Д. Благого [3:69], С.М. Бонди [4:217], Л.П. Гроссмана [6:262]. «Представителем демократической массы» называл блаженного Николку Г.А. Гуковский [7:33].

Н.Ф. Филиппова называет Юродивого – «совестью народа» [27:63], Ю.М. Лотман – **выразителем** нравственного чутья народа [11:198] («лучшей части народа», уточняет американский литературовед Ф. Раскольников) [19:66].

Явно под влиянием идей «карнавальской» и «смеховой культуры» рассматривают фигуру Юродивого израильтянка И. Ронен [20:78], американец Д.М. Бетеа [16:301], канадец Дж. Клэйтон [8:118, 242].

Совершенно особняком стоял в ряду интерпретаторов образа Николки Ст. Рассадин, выступивший в 1977 против попыток истолкования роли Юродивого как выразителя «мнения народного». «Юродивый – не голос, не “рупор” народа (и тем более автора) <...> Он не символ, не функция, не аллегория, он настоящий юродивый, дурачок Николка, дикий и нелепый <...> В темной голове дурачка – туман, обрывки того, что помнит народ, но никакой системы» [18:55].

Получается, что Пушкин вывел в пьесе «умственно отсталого» «бомжа» Николку, лишь для того, чтобы грядущие литературоведы могли дополнить его портретом галерею «лишних людей» русской литературы, игнорируя по мировоззренческим соображениям или сознательно умалчивая о его святости. Впрочем, иного понимания образа Николки, да и самого феномена юродивого Христа ради от богословского прочтения пушкинской трагедии ждать не приходится. А ведь юродивый Христа ради – это особая традиция именно Православия, отличающая таких людей от просто «юродствующих».

Лишь в работах последнего времени, в частности, у В.С. Непомнящего, говорится о том, что Юродивый у Пушкина – «третье из лиц, представляющих в трагедии Высшую правду» [14:205].

При работе над «Годуновым» Пушкин заинтересовался житием блаженного Иоанна Большого Колпака далеко не случайно, прося Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского найти более подробные сведения о нем и прислать их в Михайловское. Ведь именно этот Христа ради юродивый за четверть века до начала Смуты предсказал нашествие на Русь иноверцев и

Куркин Б.А.
Семь фраз блаженного Николки (место и значение
образа Юродивого в трагедии А.С. Пушкина «Борис
Годунов»)
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 4–15.

Kurkin B.A.
Seven phrases of blessed Nikolka (the role and
significance of the Holy Fool image in Alexander
Pushkin's tragedy «Boris Godunov»)
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 4–15.

иноплеменников. Пушкин вполне мог знать о его пророчестве из Житий свт. Димитрия Ростовского.¹

«Господь Бог, – говорил блаженный Иоанн, – заповедал верным ученикам Своим от востока и до запада наставлять и научать людей, отводить мир от беззаконного пьянства. За это пьянство Господь наведет на нашу землю иноплеменных. <...>Так говорил блаженный Иоанн о предстоявшей кончине своей и о нашествии на Москву Литвы» [21:572].

Закономерен вопрос: «В чем выражается роль Юродивого как носителя Высшей правды? И неужели образ Юродивого исчерпывается «функцией» «публичного обличителя»?

Но обличителей Годунова, каким традиционно представляют Николку, довольно в «Борисе» и без Юродивого. Обличают царя, пусть и кулуарно, и Пимен, и «лукавый Шуйский», не говоря уже о Самозванце. И без блаженного Николки читатель/зритель и изображенный Пушкиным народ знают, что Годунов – царубийца.

Блаженный

Юродство, по выражению свт. Димитрия Ростовского, есть «самоизвольное мученичество», а **подвиг юродства – проявление высшего самоотречения. Христа ради юродивые наделялись даром сотворения чудес и прозорливости. Юродство Христа ради – одна из форм святости.**

«Юродство о Христе – один из труднейших и великих подвигов христианского благочестия, какие из любви к Богу и ближним принимали на себя особенные ревнители благочестия» [31:2]. «Юродство Христа ради составляет столь редкий, столь трудный и вместе с тем столь высокий христианский подвиг, на который призываются Господом Богом только особенные избранники и избранницы, сильные телом и духом» [22:1].

Святость Николки резко выделяет пушкинского героя и поднимает его на качественно иной уровень.

И.В. Мотеюнайте исключительно точно подметила, что «в произведении нет оценки николкиных слов, чем персонаж возводится на недостижимую высоту: он вершит суд, провозглашая объективную Истину, и адекватное восприятие его не требует никаких дополнительных условий» [13:112].

Вспомним, как начинается сцена, в которой появляется Юродивый. В кремлевских соборах и по всей Руси поется анафема Гришке Отрепьеву. Но власти никто не верит.

По «мнению народному», царевич жив, а Юродивый прямо говорит Борису прямо противоположное: «...ты зарезал маленького царевича».

Зарезал.

Насмерть.

Но если царевич мертв, то на Москву, следственно, идет самозванец – «нежизненный живот». Смерть. Не о том ли поет святой в своей кажущейся детской песенке?

Попробуем ее расшифровать.

Песенка Николки

¹Следует отметить, однако, что в приводившемся уже нами издании 1764 года житие прп. Иринарха Ростовского, донесшего до нас это пророчество блаженного Иоанна Большого Колпака, отсутствует.

Куркин Б.А.
Семь фраз блаженного Николки (место и значение образа Юродивого в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 4–15.

Kurkin B.A.
Seven phrases of blessed Nikolka (the role and significance of the Holy Fool image in Alexander Pushkin's tragedy «Boris Godunov»)
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 4–15.

Песенка Юродивого, как отмечается в историко-литературном комментарии Л. Лотман, «является авторской стилизацией народных духовных стихов – импровизаций, получивших впоследствии широкое распространение в разного рода сектах. Вместе с тем она близка к народным детским игровым песням, что стилистически оправдано поведением юродивых, носившим игровой и демонстративный характер» [12:198].

В свою очередь, А.Н. Архангельский назвал эту песенку «слезной». Тем и ограничился [1:133]. Неизвестны исследования, в которых предпринимались бы попытки раскрыть ее смысл.

Всем понятно, что устами юродивых Христа ради очень важные вещи глаголются иносказательно. Вспомним слова этой песенки:

– Месяц светит,
Котенок плачет,
Юродивый, вставай,
Богу помолися! 2

Казалось бы, чисто иллюстративная сцена и печальная, почти детская, песенка для взрослых. Однако есть одна тонкость. Существуют сказки о мертвеце, в которых говорится или поется нечто иное, а именно:

Месяц светит.
Мертвец едет

Сюжет «Месяц светит, мертвец едет» присутствует в русских сказках Забайкалья, вологодских сказках, быличках, бывальщинах и т.д. Этот сюжет был хорошо известен Пушкину. Его упоминал или пересказывал в своих произведениях П. Катенин (баллада «Ольга» (Из Бюргера) (1816, 1831):

Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро.

Поминает известное присловье в своем романе «Обойденные» и Н. Лесков. «Месяц светит, мертвец едет, не боишься ли ты меня, добрый молодец?» – спрашивает героиня этого произведения Дора.

Месяц как персонаж тоже любопытен: очень часто он является совсем недобрым героем. Предположим, что и в песенке Юродивого месяц тоже появляется не случайно. Пушкин придавал ему особое значение, что видно из его статьи о Катенине «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина». Приходит на ум и русская поговорка, записанная В.И. Далем: «На месяце видно, как Каин Авеля убил».

Можно предположить, что песенка юродивого Николки должна была бы звучать так:

---

²Следует отметить, что в первом издании трагедии 1831 г. стояло «Месяц едет». То же сохранялось и в первом посмертном издании «Бориса» 1838 года. В рукописной правке поэта, воспроизводившейся в ряде посмертных изданий «Бориса Годунова», стояло «Месяц светит». В суворинском издании сочинений А.С. Пушкина 1905 года говорится: «Мы внесли *позднейшую поправку* рукописи в его песню: «Месяц *светит*», вместо неуклюжего: «Месяц *едет*», тем более, что Пушкин, конечно, знал народное присловье: «Месяц *светит*, мертвец *едет*»² [Сочинения А. С. Пушкина / Редакция П. А. Ефремова. Издание А. С. Суворина. Томъ VIII: Примѣчания, добавленія и поправки. СПб., 1905. – С. 411]. Действительно, первоначально у Пушкина стояло в рукописи «месяц светит», но в самый последний момент оно было заменено на «неуклюжее», по мнению комментатора, «месяц едет».

Куркин Б.А.
Семь фраз блаженного Николки (место и значение образа Юродивого в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 4–15.

Kurkin B.A.
Seven phrases of blessed Nikolka (the role and significance of the Holy Fool image in Alexander Pushkin's tragedy «Boris Godunov»)
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 4–15.

Месяц светит.
Мертвец едет.
Котенок плачет,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

По чью душу едет мертвец в сказках сказаниях и балладах? Он едет погубить душу того, кто его призывает, поддавшись искушению и соблазну, впадшего в «прелесть». Таковы Ленора в балладе Г. А. Бюргера «Леонора», Ольга в балладе П. Катенина, невеста в сказках и сказаниях, к которой является и которую уносит с собой жених, оказывающийся вдруг мертвецом.

Для чего потребовалось Пушкину усечение известного присловья?

Можно предположить, что создатель «Бориса Годунова» сознательно рассчитывал на то, что глаз читателя или ухо слушателя будут «спотыкаться», не обнаружив привычного словосочетания, что заставит их задуматься над смыслом «опущения» слова «мертвец».

Вспомним и момент появления в трагедии Юродивого. Является он тогда, когда побиваемый раз за разом Самозванец вновь и вновь оказывается неким чудесным образом на коне и угрожает власти Бориса уже всерьез.

Логично предположить, что «едушим мертвецом», которого подразумевает в своей песенке Юродивый, является Самозванец – «бесовский сын», «еретик», «приемный сын привидения» («тень Грозного меня усыновила») – персонифицированная Смерть. И тогда получается вот что:

Месяц светит.
Мертвец-Самозванец едет.

Котенок плачет (братья наши меньшие, как известно, остро чувствуют приближение человеческой смерти и всякую нечисть).

Юродивый, вставай,
Богу помолися!

Мертвец несет с собой погибель: он сам есть сын погибели. «Живой труп». Как отворотить ее, когда весь народ охвачен наваждением и мороком? «Юродивый, вставай, Богу помолися!» НЕКОМУ больше! Все охвачены безумием...

В кажущейся «детской», а то и «бессмысленной» песенке Юродивого – ключ к пониманию трагедии. В ней, как в зародыше, заключено всё: в лице Самозванца на Русь грядет смерть. Он – сын погибели. И некому понять это, и некому помолиться в надежде отвести беду, кроме прозорливого Юродивого. Он единственный среди одержимых, кто не подвержен бесовским чарам, кто видит, «прозревает» всё происходящее окрест. Он – живой и одинокий символ Святой Руси, а никакой не «глас народный», ибо народ введен в заблуждение, впал в морок.

На Русь скачет мертвец.

Нет, не «мнение народное» выражает Николка, не мнение «демократической массы». Вернее, мнения Юродивого и народа совпадают лишь в части отношения к Годунову, а в главном – расходятся.

Куркин Б.А.
Семь фраз блаженного Николки (место и значение образа Юродивого в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 4–15.

Kurkin B.A.
Seven phrases of blessed Nikolka (the role and significance of the Holy Fool image in Alexander Pushkin's tragedy «Boris Godunov»)
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 4–15.

Народ хочет видеть и встретить царя Дмитрия Ивановича, а Юродивый прямо говорит, что этот якобы «чудом спасшийся царевич» – самозванец и символ смерти, предвестник грядущих бедствий.

Народ же, сошедшийся на площади перед собором в Москве, убежден, что царевич жив:

По «мнению народному», царевич жив, а Юродивый прямо говорит Борису: «...ты зарезал маленького царевича».

Зарезал.

И если царевич мертв, то на Москву, следственно, идет **самозванец**.

В таком ракурсе песенка Николки наполняется глубоким смыслом-предостережением, внимать которому, увы, некому. Народ введен во искушение, он пребывает в состоянии одержимости. И обмануть его нетрудно: он сам обманываться рад.

Подчеркнем красным карандашом: о том, что Самозванец в богословском смысле есть НЕЖИТЬ, говорит святоотеческая литература, анализировать которую в рамках и объеме настоящей статьи не представляется возможным. И как иначе могли бы рассматривать Самозванца пушкинские герои – православные русские люди XVII века – от простолюдина до царя

Суть Самозванца ясна и без попытки расшифровки песенки Николки.

«Расстрига окаянный», «бесовский сын», «сосуд диавольский», «еретик» – так характеризуется Самозванец прочими пушкинскими персонажами (Патриархом, Игуменом и т.д.). Следует подчеркнуть, что все эти эпитеты не придуманы Пушкиным, а взяты из русских источников XVII века, включая государственные акты [10:77,90; 9:605; 23:718; 15:569,570,576,580; 5:365,366; 24:164] и др.³

«Взяли мою копеечку...»

«Отвяжитесь, бесенята!» – кричит старуха мальчишкам, отнявшим у Юродивого копеечку. Она единственная среди людей на площади, кто просит Николку помолиться о своей грешной душе и подает ему Христа ради. Похоже, все прочие «политически грамотные» миряне – враги Годунова, шумящие при появлении Николки, считают себя праведниками: милостыню не подают, помолиться о своей душе не просят, не видя в том особой нужды.

«Нельзя молиться за царя Ирода»

³См.: *Лѣтопись о многих мятежах и разореніи Московскаго государства отъ внѣшнихъ непріятелей и отъ тогдашнихъ временъ многихъ случаевъ, по преставлении Царя Іоанна Васильевича, а также о Междугосударствованіи по кончинѣ Царя Феодора Іоанновича, по учиненномъ исправленіи книгъ в царствованіе благовѣрнаго Государя Царя Алексѣя Михайловича въ 7163/1655 году.* Изданіе 2-е Москва, 1788. – С. 77, 90;

Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ // Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 13. – Стб. 718;

Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго по списку Императорской публичной библиотеки Q. 4. № 154 // (РИБ). Т. 13. – Стб. 569, 570, 576, 580;

Временникъ дьяка Ивана Тимофеева // РИБ. Т. 13. – Стб. 365 – 366;

Соборный приговоръ противъ чернца Отрепьева... ложно называющагося Царевичемъ Димитріемъ (1604 г.) // Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Часть вторая, служащая дополненіемъ къ первой. М.: Тип. Селивановскаго, 1819. –С.164 и др.

Но на этом пророчество или предсказание юродивого не заканчивается. На просьбу Бориса помолиться за него Николка отвечает: «Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода».

При всей своей кажущейся простоте ответ Николки несет в себе очень важные смыслы. Начнем с того, что упоминание имени Ирода напрямую ассоциируется с избиением 14 тысяч младенцев – первых мучеников за Христа. Церковь отмечает их день 29 декабря по ст. стилю. Все они прославлены, т.е. причислены к лику святых. В контексте трагедии упоминание имени царя Ирода прямо относит к памяти первых христианских мучеников и прославленному уже на небесах убиенному царевичу.

Упоминание Иродова имени – это еще и напоминание о его ужасном земном конце: сей царь иудейский был заживо изъеден червями[28:274].

Если мы посмотрим текст службы Вифлеемских младенцев 29 декабря, то убийство младенцев прямо связывается в ней с потерей Иродом царства. Эта тема звучит в кондаке младенцев после третьей песни: «В Вифлееме рождшуся Царю, волсви от Персиды с дары приходят, / звездою свыше наставляеми, / но Ирод смущается и пожинает младенцы, яко пшеницу, / и рыдает себе, / яко держава его вскоре разорится»: Служба Вифлеемских младенцев 29 декабря). О том же поется и в икосе после шестой песни: «Горним и дольным, ныне вкупе веселящимся / во явлении всех Царя, / Ирод сам токмо с пророкоубийцы иудей соболезнует: лепо бо самым им токмо рыдати, / не бо от ныне царствовати имут; / но царство Господне и ещё державствовати имать, / дерзости врагов отражающее/ и множества верных созывающее/ с честными младенцы взирати/ Иже во яслех яко Младенца лежаща». (Икос: Песнь 6: Служба Вифлеемских младенцев 29 декабря).

Как известно, тропарь, кондак и икос дня – это главные песнопения, своеобразная словесная икона дня и почитаемого святого, в которых помещаются его ключевые аспекты.

Будем также держать в уме, что Церковь ставит в вину Ироду не столько само по себе истребление младенцев, сколько стремление убить Младенца Иисуса, которого узурпатор Ирод воспринимал как законного Царя Иудейского (см., например, Евангелие от Матфея, гл.2). Иными словами, подобным Ироду становится любой убийца законного наследника престола. Отсюда слова Николки становятся не столь уж «очевидными», как принято порой думать. Так что при кажущейся самоочевидности и «однозначности» слов блаженного всплывает и этот подспудный смысл, нравственно- и религиозно-политическая максима. В прежние времена это понимали все без исключения.

И потому блаженный Николка выступает в качестве прозорливца, провидящего не только страшную гибель Годунова, но и крушение всего Русского Царства. На Русь, как провидит Николка, грядет великое горе, ибо ничем иным, кроме кромешного ужаса, восшествие на Московский трон еретика и бесовского сына кончиться не может.⁴ Посему

---

⁴Эту тему гениально выразил в своей опере на собственное либретто М.П. Мусоргский. В основу его был положен черновой вариант пушкинского «Бориса». Вот, что происходит на сцене в тот момент, когда народ приветствует Самозванца, видя в нем царевича: «Юродивый (смотрит в недоумении по сторонам; садится на камень и штопает лапоть):

Лейтесь, лейтесь, слёзы горькие,
плачь, плачь, душа православная.
Скоро враг придёт,
и настанет тьма,
темень тёмная, непроглядная.
Горе, горе Руси,
плачь, плачь, русский люд, голодный люд!

(Самозванец поднимается по спуску вправо. Все, кроме Юродивого, идут за ним)». Ничего

Куркин Б.А.
Семь фраз блаженного Николки (место и значение образа Юродивого в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 4–15.

Kurkin B.A.
Seven phrases of blessed Nikolka (the role and significance of the Holy Fool image in Alexander Pushkin's tragedy «Boris Godunov»)
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 4–15.

видеть в Юродивом исключительно обличителя – значит обеднять смысл его места и роли в трагедии.

Благодаря образу Юродивого этот ассоциативный ряд многократно расширяет актуальность и хронотоп пушкинского произведения, превращая ее из трагедии конкретно-исторической во вневременную, всечеловеческую.

«Богородица не велит»

Положение Юродово таково, что за него нельзя даже помолиться: «Богородица не велит». Первоначально в пушкинской рукописи значилось: «Христос не велит». Однако в окончательном варианте стоит «Богородица не велит». Думается, смысл такой замены был в том, чтобы показать совершенно безнадежное положение Бориса. Богородица – «Заступница усердная» за нас, грешных, перед Господом. И если уж Богоматерь не велит за кого-то молиться – значит, это совсем ужасный и не заслуживающий снисхождения грешник.

Интересно, что в то же самое время, когда решался вопрос о возможности публикации «Бориса Годунова», Пушкиным было написано знаменитое стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный». И финал его таков: бес уж собирался тащить рыцаря в свой предел...

Но Пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в Царство Вечно
Паладина своего.

Как о «теплой Заступнице мира холодного» писал о Божией Матери в своей «Молитве» и М.Ю. Лермонтов.

Итак, в четырех строчках песенки и двух репликах Юродивого заключено все содержание пушкинской трагедии: цареубийство, ужасный конец цареубийцы, явление на Русь воплощенной в самозванце нечисти и грядущие беды народа.

Юродивый у Пушкина – провидец, а не выразитель «мнения народного», ибо народ ослеплен и одержим. Он ведает грядущее и зрит приход на Русь «сына тьмы». И глас его – не очередное обличение Годунова «типичным представителем смеховой культуры», но глас пророка, увы, вопиющего в пустыне. И да: Николка обличает Бориса за святоубийство, неизбежным следствием которого становится, пришествие на Русь тьмы. Или, выражаясь современным языком, «политической и государственной катастрофы», в ходе которой погибнут и виноватые, и правые. И невинные младенцы тоже – «их женестъ числа».

Юродивый молитвенник за всю охваченную безумием Русскую землю отмаливает грехи всех русских людей и тем самым активно противостоит злу, воплощенному в Самозванце. Блаженный Николка – символ Святой Руси, идеала, без жизни которого стало бы невозможным освобождение Руси от морока Смуты.

Он ратник в сфере духа, противостоящий нашествию на Русь нечисти.
«Юродивый вставай,
Богу помолися».

Смеем утверждать, что без прозорливого Юродивого не состоялась бы и сама пушкинская трагедия, в которой Николка становится тем, благодаря кому Русь все еще жива, и у нее есть надежда на спасение.

Куркин Б.А.
Семь фраз блаженного Николки (место и значение
образа Юродивого в трагедии А.С. Пушкина «Борис
Годунов»)
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 4–15.

Kurkin B.A.
Seven phrases of blessed Nikolka (the role and
significance of the Holy Fool image in Alexander
Pushkin's tragedy «Boris Godunov»)
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 4–15.

Не исключено, что, выводя в своей трагедии Юродивого, Пушкин поведал нам куда больше того, что намеревался сказать. Но ведь и ему самому дано было осознать, что поэт – это пророк, устами которого глаголят горные силы.

Литература

1. *Архангельский А.Н.* Поэт – история – власть («Борис Годунов» А.С. Пушкина) // Пушкин и современная культура: Сборник статей / науч. Совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 1996. – С. 133.
2. *Батюшковъ Ф.* Пушкинъ и Расинъ (“Борисъ Годуновъ” и “Athalie”) // Памяти Пушкина. Сборникъ статей преподавателей и слушателей Историко-филологического факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета. С.-Петербург, 1900. – 16 – 17.
3. *Благой Д.* Социология творчества Пушкина. Этюды. Второе дополненное издание. М.: Кооперативное издательство «Мир», 1931. – С. 69.
4. *Бонди С.М.* Драматургия Пушкина // Бонди С.М. О Пушкине: Статьи и исследования. — М.: Худож. лит., 1978. — С. 217.
5. *Временник дьяка Ивана Тимофеева* // РИБ. Т. 13. – Стб. 365 – 366.
6. *Гроссман Л.Л.* Пушкин. М.: Молодая гвардия. Серия: Жизнь замечательных людей, 1958. – С. 262.
7. *Гуковский Г.А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. – М.: Гослитиздат, 1957. – С. 33.
8. *Клэйтон Дж. Даглас.* Тень Димитрия. Опыт прочтения пушкинского «Бориса Годунова»/ Перевод с англ. Л. Семёновой и И. Саккулина. СПб.: Академический проект, Издательство ДНК, 2007. – С. 118, 242.
9. *Латухинская Степенная книга.* 1676 год. Ред. Покровский Н.Н. М.: Издательство: Языки славянских культур, 2012. – С. 605.
10. *Лѣтопись о многих мятежах и разореніи Московскаго государства отъ внѣшнихъ непріятелей и отъ тогдашнихъ временъ многихъ случаевъ, по преставлении Царя Іоанна Васильевича, а также о Междугосударствованіи по кончинѣ Царя Феодора Іоанновича, по учиненномъ исправленіи книгъ в царствованіе благовѣрнаго Государя Царя Алексѣя Михайловича въ 7163/1655 году.* Изданіе 2-е Москва, 1788. – С. 77, 90.
11. *Лотман Ю.М.* Пушкин: Очерк творчества // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960—1990. Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 2003 – С. 198.
12. *Лотман Л.М.* Историко-литературный комментарий // Пушкин А. С. Борис Годунов. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический Проект», 1996. С. 331 – 332.
13. *Мотеюнайте И.В.* Образ юродивого в исторических драмах (А.С. Пушкин и А. Н. Островский) / И. Пушкин и русская драматургия / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – С. 112.
14. *Непомнящий В.С.* Пушкин: избранные работы 1960х 1990х гг.: в 2 т. / В. С. Непомнящий. Т. 1: Поэзия и судьба. М.: Жизнь и мысль, 2001. –С. 205.
15. *Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго по списку Императорской публичной бібліотеки Q. 4. № 154* // (РИБ). Т. 13. – Стб. 569, 570, 576, 580.
16. *Пушкин А.С.* Сочинения: Комментированное издание / Под общ. Ред. Дэвида М. Бетеа. Вып. 2: Борис Годунов. М.: Новое издательство, 2008. – С. 301.
17. *Пушкин А.С.* Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 6, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – С. 90.
18. *Рассадин Ст.* Драматург Пушкин. Поэтика, идеи, эволюция. М.: Искусство, 1977. –С. 55.
19. *Раскольников Ф.* Статьи о русской литературе. М.: Вагриус, 2002. – С. 66.

Куркин Б.А.
Семь фраз блаженного Николки (место и значение образа Юродивого в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 4–15.

Kurkin B.A.
Seven phrases of blessed Nikolka (the role and significance of the Holy Fool image in Alexander Pushkin's tragedy «Boris Godunov»)
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 4–15.

20. *Ронен И.* Смысловой строй трагедии Пушкина «Борис Годунов». М.: «ИЦ-Гарант», 1997. – С. 78.
21. *Ростовский Димитрий* свт. Избранные жития святых святителя Димитрия Ростовского /Димитрий Ростовский. М.: Эксмо, 2017. – С. 572.
22. Сказание о Христа ради юродивой подвижницѣ Серафимо-Дивѣевского монастыря Пелагии Ивановны Серебренниковой. Тверь 1891 г., 1 стр.
23. Сказание о Гришкѣ Отрепьевѣ // Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 13. – Стб. 718;
24. Соборный приговоръ противъ чернца Отрепьева... ложно называющагося Царевичемъ Димитриемъ (1604 г.) // Собрание государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Часть вторая, служащая дополненіемъ къ первой. М.: Тип. Селивановского, 1819. – С.164 и др.
25. Сочиненія А. С. Пушкина / Редакція П.А. Ефремова. Изданіе А. С. Суворина. Томъ VIII: Примѣчанія, добавленія и поправки. СПб., 1905. – С. 411.
26. *Тыркова- Вильямс А.В.* Жизнь Пушкина: В 2 т. Т. 2: 1824 — 1837. — 4 - е изд. — М.: Молодая гвардия, 2004. — С. 87.
27. *Филиппова Н.Ф.* Народная драма А. С. Пушкина «Борис Годунов». М.: Книга, 1972. – С. 63
28. *Флавий И.* Иудейские древности. Т. 2 М.: АСТ, 2002. – С. 274. Кстати, «Иудейские древности» были переведены на русский еще в XVIII веке: Иосиф Флавий. Древности иудейские. / Пер. с лат. М. Самуйлова. Ч. 1-3. СПб., 1779—1783. (переиздания).
29. *Шмурло Е.Ф.* Этюды о Пушкине //Пушкинский сборник. Прага, «Политика», 1929. – С. 26.
30. *Энгельгардтъ Б.М.* Историзмъ Пушкина: К вопросу о характерѣ пушкинского объективизма // Пушкинистъ: Историко-литературный сборникъ. / Подъ редакціей профессора С.А. Венгерова. II Пг.: 1916.– С. 70.
31. Юродство о Христѣ и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви. Историческій очеркъ и житія сихъ подвижниковъ благочестія. Составилъ Покровскаго и Василя Блаженнаго, въ Москвѣ собора, ключарь священникъ Іоаннъ Ковалевскій. Изданіе третье. Москва: Изданіе книгопродавца Алексѣя Дмитриевича Ступина, 1902. – С. 2.

Seven phrases of blessed Nikolka (the role and significance of the Holy Fool image in Alexander Pushkin's tragedy «Boris Godunov»)

Kurkin B.A.,

Doctor of jurisprudence, professor Associate Professor Department of Constitutional and Administrative law, Tambov State Technical University, Tambov, Russia, kurkinba@gmail.com kurkin.boris2012@yandex.ru

---

In article the author analyzes the role and significance of the God's Fool named Nikolka's character in Alexander Pushkin's tragedy "Boris Godunov". The author puts forward a view that the God's Fool is in fact the central character of the Pushkin's tragedy, the spiritual axis and the core of the narrative. The article points to the fact that the God's Fool is a prophet recognizing in Tsar Boris a killer and, with logical inevitability - an impostor in "Prince Dimitri". Nikolka appears as a character free from mass obsession and delusion engulfing Russia and a symbol of hope of deliverance.

Keywords: Greek conformity, the Caucasian languages, the language of interaction.

References

1. Arkhangelsk A.N. Poet - History - Power ("Boris Godunov" by A.S. Pushkin) // Pushkin and Modern Culture: Collection of articles / scientific. *Council on the history of worldculture*. - M.: Science, 1996. - p. 133.
2. Batyushkov F. Pushkin and Rasin ("Boris Godunov" and "Athalie") // In Memory of Pushkin. *The collection of articles by teachers and students of the Faculty of History and Philology of the Imperial St. Petersburg University*. St. Petersburg, 1900. - 16 - 17.
3. Good D. Sociology of Pushkin. *Etudes The second updated edition*. M.: Co-operative publishing house "Mir", 1931. - p. 69.
4. Bondi S.M. Pushkin's Dramaturgy // Bondi S.M. About Pushkin: Articles and studies. - M.: Art. lit., 1978. - p. 217.
5. Veremenniky deacon Ivan Timofeev // *RIB*. V. 13. - Stb. 365 – 366.
6. Grossman L.P. Pushkin. M.: Young Guard. Series: The Life of Great People, 1958. - p. 262.
7. Gukovsky G.A. Pushkin and the problems of realistic style. - M.: Goslitizdat, 1957. - p. 33.
8. Clayton J. Douglas. Shadow Dimitri. Experience reading Pushkin's "Boris Godunov" / Translation from English. L. Semenova and I. Sakkulina. SPb.: Academic Project, DNA Publishing House, 2007. - p. 118, 242.
9. Latukhinskaya Power Book. 1676 Ed. Pokrovsky N.N. M.: Publisher: Languages of Slavic Cultures, 2012. - p. 605.
10. The history of many revolts and the ruin of the Moscow State from outside enemies and those of the past times, on the death of Tsar Ivan Vasilyevich, as well as about the Interstate after the end of Tsar Feodor Ioannovich, after the correction of books on the pages of the death of Tsar Feodor Ioannovich, after the correction of books of the 1655 Published 2nd Moscow, 1788. - pp. 77, 90.
11. Lotman Yu.M. Pushkin: Essay on Creativity // Lotman Yu. M. Pushkin: Biography of the Writer. *Articles and notes, 1960–1990*. St. Petersburg: "Art - SPB", 2003 - p. 198.

Куркин Б.А.

Семь фраз блаженного Николки (место и значение образа Юродивого в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»)

Язык и текст

2019. Том 6. № 3. С. 4–15.

Kurkin B.A.

Seven phrases of blessed Nikolka (the role and significance of the Holy Fool image in Alexander Pushkin's tragedy «Boris Godunov»)

Language and Text

2019, vol. 6, no 3, pp. 4–15.

12. Lotman L.M. Historical and literary commentary // Pushkin A. S. Boris Godunov. - SPb. : Humanitarian Agency "Academic Project", 1996. P. 331 - 332.
13. Moteyunaite I.V. The image of the holy fool in historical dramas (A. Pushkin and A. N. Ostrovsky) / I. Pushkin and Russian dramaturgy / Mosk. state un-t them. M. V. Lomonosov, Filol. a fact - M. : Dialogue-MSU, 2000. - p. 112.
14. Nepomniachtchi V.S. Pushkin: Selected Works of the 1960s and 1990s: in 2 tons. / V.S. Nepomnyashchiy. T. 1: Poetry and fate. M. : Life and thought, 2001. - p. 205.
15. The story of Prince Ivan Mikhailovich Katyrev-Rostovskogo on the list of the Imperial Public Library Q. 4. № 154 // (RIB). V. 13. - Stb. 569, 570, 576, 580;
16. 16. Pushkin A.S. Works: Commented edition / Pod obshch. Ed. David M. Betea. Issue 2: Boris Godunov. M. : New Publishing House, 2008. - p. 301.
17. Pushkin A.S. Works and translations in verses of Pavel Katenin // Collected Works in 10 volumes. T. 6, Moscow: State Publishing House of Fiction, 1962. - p. 90.
18. Rassadin Art. Drama Pushkin. Poetics, ideas, evolution. M. : Art, 1977. - S. 55.
19. Raskolnikov F. Articles about Russian literature. M. : Vagrius, 2002. - p. 66.
20. Ronen I. The meaning system of Pushkin's tragedy "Boris Godunov". M. : ITs-Garant, 1997. - p. 78.
21. Rostov Dimitri St. Selected Lives of the Saints of St. Dimitry of Rostov / Dimitry of Rostov. M. : Eksmo, 2017. - p. 572.
22. The tale of Christ for the foolish ascetic Seraphim-Divsevskogo monastery Pelagii Ivanovna Serebrennikova. Tver, 1891, 1 pp.
23. The Tale of Grishk ъ Otrep'ev // Russian Historical Library (RIB). V. 13. - Stb. 718.
24. The conciliar conviction of the cherttsa Otrepiev ... falsely nicknamed Tsarevich Dimitry (1604) // *Collection of state letters and treaties stored in the state collegium of foreign d. Part two, serving as an addition to the first.* M. : Type. Selivanovsky, 1819. - p.164 and others.
25. Works of A.S. Pushkin / Rev.P.A. Ephraim. Published by A.S. Suvorin. Tom VIII: Note, additions and corrections. SPb., 1905. - p. 411.
26. Tyrkova- Williams A.V. Pushkin's life: In 2 volumes. T. 2: 1824 - 1837. - 4th ed. - M. : Young Guard, 2004. - p. 87.
27. Filippova N.F. Folk drama of A.S. Pushkin "Boris Godunov". M. : Book, 1972. - p. 63.
28. Flavius I. Jewish antiquity. T. 2 M. : AST, 2002. - p. 274. By the way, "Jewish Antiquities" were translated into Russian as far back as the 18th century: Josephus. The antiquities of the Jews. / Per. from lat. M. Samuilova. Ch. 1-3. SPb., 1779-1783. (reissues).
29. Shmurlo E.F. Etudes about Pushkin // Pushkin collection. Prague, Politika, 1929. - p. 26.
30. Engelhardt B.M. Pushkin's Historicism: On the Question of the Character of Pushkin Objectivism // *Pushkinist: A Historical and Literary Collection.* / Under the editorship of Professor S.A. Vengerov. II Pg. : 1916. - p. 70.
31. The foolishness of Christ and Christ for the fools of the Eastern and Russian Church. Historical essay and life of these devotees of piety. Compiled by Pokrovskogo and St. Basil the Blazhennago, in Moscow Cathedral, the priesthood priest Ioann Kovalevsky. Issue the third. Moscow: Publisher Alexey Dmitrievich Stupin, 1902. - p. 2.

Ненормативная лексика в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»: цель и значение

Куркин Б.А.,

*доктор юридических наук, профессор кафедры Международного права
Юридического института ТГТУ, эксперт Германской службы академического обмена
(DAAD), Тамбов, Россия, kurkinba@gmail.com*

Мурашкина О.В.,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки кадров ИГСУ
РАНХиГС, Москва, Россия, www.ganepa.ru*

В статье анализируются случаи применения А.С. Пушкиным ненормативной лексики и история ее цензурирования. Раскрывается исторический смысл и значение выражений, ставших ненормативными, а также их место и смысловая функция в трагедии.

Ключевые слова: ненормативная лексика.

Для цитаты:

Куркин Б.А., Мурашкина О.В. Ненормативная лексика в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»: цель и значение [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №3. С. 16-27. doi: 10.17759/langt.2019060302

Forcitation:

Kurkin B.A. Murashkina O.V. Non-normativ lexicon in «Boris Godunov» tragedy by A.S. Pushkin: its goal and meaning [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst [Language and Text], 2019, vol. 6, no. 3, pp. 16-27. doi: 10.17759/langt.2019060302 (In Russ., abstr. in Engl.)

Трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов» – глубоко религиозное, православное произведение о грехе отдельного человека и народа в целом, расплате за него, о человеческой истории как Промысле Божиим.

Мир «Бориса Годунова» – это сосуществование и взаимодействие двух миров: духовного незримого и видимого материального, миров горнего и дольнего.

Эта идея выражается в трёх аспектах. В содержательном плане – изображением чудес, почерпнутых Пушкиным из житий святых и русских летописей, структурной организацией материала, подчеркивающей неимоверность случившегося – беглый бродяга въезжает на белом коне в Кремль, неумолимость хода событий и его неподвластность человеку, и лексически – использованием слов и выражений, свидетельствующих о мире запредельном. Последнее станет предметом нашего разговора.

В трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» нет случайных слов. Лексическими средствами, но не только ими, Пушкин добивается передачи духа и глубинного смысла изображаемого. Важно при этом знать истинный, исконный смысл слова, дабы адекватно понять пушкинскую мысль.

Мы, например, редко задумываемся об исконном смысле слова «убогий», означающего «божий человек». Благодаря его издевательскому употреблению революционно-демократической пишущей братией, оно обрело современный смысл и стало означать «скудоумный», «неполноценный». То же произошло и со словами «юродивый», «юродствовать», обретшими явно презрительный, негативный смысл.

В ряду слов, требующих раскрытия их исконного значения, стоят слова пушкинских героев «очаровать», «обворожить». С помощью последнего Пушкин характеризует потусторонний, «нечистый» характер воздействия Самозванца на людей, явившихся к нему просить меча и службы.

«Обворожить» является синонимом словам «очаровывать», «околдовать», «оволхловать», «обморочить» - выражению «наслать мороку». И если понимать пушкинские слова в их исконном значении, то становится понятными и эпитеты, которыми награждают Гришку Отрепьева противоположные по своему духовному складу люди – Патриарх, Игумен и не стесняющийся в выражениях капитан Маржерет: «сосуд дьявольский», «бесовский сын», «пострел окаянный» и, наконец, «дьявол». И эти выражение отнюдь не «фигуры речи», а подтверждение факта продажи Отрепьевым своей души дьяволу, о чем читатель может сделать вывод, вдумавшись в смысл сна Григория – сна-предупреждения о грозящем ему погибелью души соблазна, сна-послания из «тонкого мира», сна-предостережения от рокового шага. Посему для адекватного понимания смысла и значения описываемых в трагедии событий столь важно верное истолкование слов и понятий, содержащиеся в пушкинском тексте, включая ненормативную лексику. По меткому выражению В.С. Непомнящего, у Пушкина «нет праздно висящих ружей» [6, с. 312].

Трагедия «Борис Годунов» – единственное из предназначавшихся автором для печати произведений А.С. Пушкина, в котором была предпринята попытка использования ненормативной лексики (о ненормативном выражении в «Телеге жизни» Пушкин делает оговорку: «Можно напечатать, пропустив русский титул...»)[9, с. 124]. Речь идет о репликах двух героев – монаха Варлаама и капитана Маржерета.

Пушкин, употреблявший порой крепкие выражения в письмах к близким ему людям, не был охотником использования их в художественном произведении, однако допускал исключения из правил. «Есть шутки грубые, сцены простонародные, – писал он в одном из набросков предисловия к своей трагедии. – Хорошо, если поэт может их избежать, — поэту не должно быть площадным из доброй воли, — если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным»[14, с. 301].

Как справедливо отмечает П.В. Палиевский, Пушкин стремился развить самобытность и живость русского языка, [7, с.70] обильно употребляя в своей трагедии простонародную речь. Этим достигалась максимальная естественность художественного изображения.

«... я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность, – писал Пушкин П.А. Вяземскому еще в 1823 году, – не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе» [8, с.85].

Разумеется, никакой «похабности» в обыденном понимании этого слова в Библии нет, и слова Пушкина следует понимать в том смысле, что художественному языку надобно придать натуральности и могучей простоты.

Сугубо функционально подходил поэт и к употреблению ненормативной лексики. Сразу же по окончании «Бориса» не прочитавший еще трагедию В.А. Жуковский запросил через П.А. Плетнева у Пушкина текст произведения для чтения лекций по русской истории великой княгине Елене Павловне. По этому поводу Пушкин отписывал Плетневу в начале

марта 1826 года: «Какого вам Бориса, и на какие лекции? В моем Борисе бранятся по-матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу» [13, с. 229]. «На всех языках», впрочем, – это всего лишь на двух: русском и французском. В немецком исполнении «лая матерна» в пьесе отсутствует.

А еще ранее в письме к П.А. Вяземскому от ноября 1825 г. Пушкин написал, что все персонажи в его «Борисе» «очень милы; кроме капитана Маржерета, который все по-матерну бранится; цензура его не пропустит» [12, с. 213].

Цензура его и не пропустила. Но на то она и цензура, чтобы стоять на страже благочиния.

Грубиян Маржерет

Цензурная история пушкинского «Годунова» в целом достаточно хорошо известна. По поводу языковых вольностей в трагедии некий внутренний рецензент III Отделения Е.И.В.С. канцелярии (ряд исследователей полагает, что это был Ф.В. Булгарин) записал: «Некоторые места должно непременно исключить. Говоря сие должно заметить, что человек с малейшим вкусом и тактом не осмелился бы никогда представить публике выражения, которые нельзя произнести ни в одном благопристойном трактате! Например, слова Маржерета» [25, с. 220].

Несдержанный Маржерет и впрямь употребил несколько выражений, которые наверняка смутили бы публику. Первым крепким выражением стало «... ça n'a que des jambes pour foutre le camp» (если переводить дословно, «ноги, чтобы сматываться («сваливать», «смываться»), которое стеснительная цензура поменяла на благопристойное «...ça n'a que des jambes pour fuir» («... чтобы сбежать»).

Вторым грубым выражением стало «un bougre qui adu poil au cul» («тип с волосами на заднице», «шерстью на ж...»), замененное на невинное и светское «un brave à trois poils» – «храбрец», «бравый молодец», «смельчак», «задира».

Впервые в своем первоизданном виде эта пушкинская вольность увидела свет в 1887 году в изданиях сочинений Пушкина под редакцией П.О. Морозова [18, с.58] и Полного собрания сочинений поэта издания В.В. Комарова под редакцией П.А. Ефремова [15, с.55]. А еще явилось на свет Божий удаленное цензурой неблагочестивое и почти кощунственное «Tudieu».

Связано это было с истечением пятидесятилетнего срока права собственности наследников А.С. Пушкина на его произведения и цензурными послаблениями.

Что же до пушкинского «un bougre qui a du poil au cul» (это выражение в рукописи было отчеркнуто сбоку красным карандашом и отмечено знаком NB), то оно в советские времена было переведено, как «отчаянный головорез». Думается, аналогом ему на нынешний день могло бы стать «крутой брателло», «быкует волчара», или простонародное: «Взглянет – лес вянет». Можно и так: «Порос щетиной под хвостом», — как говорилось уже в шеститомном советском издании полного собрания сочинений Пушкина 1930 года [17, с. 293].

Редакция текста и переводов всех встречающихся в произведениях Пушкина слов, фраз и отрывков на иностранных языках, была выполнена в том издании профессором А.А. Смирновым [17, с. 5]. Впервые же крепкие слова капитана Маржерета были воспроизведены в их первоизданном виде в одномомнике сочинений поэта, вышедшем в 1924 году под редакцией Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева [16].

Впервые же Маржерету дозволено было дать волю своему языку лишь после победы Великого Октября – в одномомнике издания Полного собрания сочинений Пушкина, вышедшем в 1924 году под редакцией Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева [16, с.293].

Любопытно, но маржеретовское «... ça n'a que des jambes pour foutre le camp» не было приведено ни в одном дореволюционном издании сочинений Пушкина, даже после Манифеста 17 октября, в том числе и академическом издании 1899 – 1916 годов! Ко второй же реплике – «un bougre qui a du poil au cul» – дореволюционная редакция была снисходительней и воспроизвела его (помимо упомянутого уже нами издания 1887 года) в изданиях 1900 [19, с.653], 1903 – 1906 (под редакцией П.О. Морозова) [20, с. 332] и 1917 годов [24, с. 653], а в изданиях сочинений поэта 1905 [22, с. 401] и 1899 – 1916 годов [23, с. 108 вторая пагинация] – исключительно в примечаниях.

В советских и российских изданиях приведен «первобытный» пушкинский вариант. Публикаторы очевидно полагали, что современный им советский читатель едва ли вникнет в тонкости маржеретовой лексики по причине дурного знания французского арго.

В современном (советском) варианте слова Маржерета будут звучать так: «Этот дьявол — Самозванец, как они его называют, отчаянный головорез».

«... у них нет рук, чтобы драться, а только ноги, чтобы удирать».

«Черт».

Как видим, перевод вполне благопристойный, если можно благопристойно перевести упоминание врага рода человеческого. Не то в оригинале. Но здесь надобно сделать пояснение: «мата» в нашем привычном понимании во французском языке нет, но сальностей, скабрёзностей и грязных выражений – в избытке. Как, впрочем, и в любом другом языке.

В наши дни светских львиц таким жаргоном не удивишь, а вот дамы пушкинской поры наверняка почувствовали бы себя оскорбленными и могли даже упасть в обморок.

Что до «удирать», то пушкинско-французское «foutre le camp» означает нечто куда более грубое, сравнимое по значению и экспрессии с нашим русским «у...бывать». И гораздо более грубым, нежели «черт», является отдающее богохульством «Tudieu», возмутившее рецензента III Отделения [25, с. 220, 234].

И так уж получилось, что в отличие от «Tudieu» маржеретовское «foutre le camp» так ни разу и не было опубликовано вплоть до победы Великого Октября. Разумеется, все эти тонкости были понятны просвещенной русской публике, для которой французский язык был родным или прекрасно усвоенным в гимназии, и малопонятны тем, для кого французский жаргон является иностранным, требующим для понимания специального словаря.

А сцена получилась очень динамичная: напряжение боя достигает предела: желающих воевать с «русским царевичем» немного, царские войска бегут, русские ратники оскорбляют («проклятый басурман») и передразнивают («лягушка заморская») иностранных военспецов-командиров, не обращая внимания на их приказы. Басманов делает удачную вылазку, но его опрокидывают. Ситуация становится критической. Все это время экспрессивный Маржерет и хладнокровный Розен обмениваются репликами, оценивая по ходу складывающуюся ситуацию. Маржерет говорит по-французски, Розен – по-немецки. Они прекрасно понимают друг друга. В сложившейся обстановке трудно требовать от боевых командиров, чтобы они выражались, словно в светском салоне да еще в обществе дам. Великолепен Розен. Он внутренне сосредоточен, немногословен и решителен. Он – сжатая до предела стальная пружина. Немец!

В отличие от сдержанного Розена, темпераментный Маржерет дает волю своему языку. Однако все «красоты» его речи в разгар боя Пушкину пришлось убрать. Нетрудно понять досаду автора: живость характера героя явно тускнеет.

С какой целью были использованы французский и немецкий языки, а также ненормативная лексика?

Ответ дает сам Пушкин, которому нужно правдоподобие. В одном из писем Пушкина к Н.Н. Раевскому-сыну есть такие известные строки: «2) язык. Напр., у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, произносит на чистейшем французском языке: “Увы! я слышу сладкие звуки эллинской речи” и проч. Вспомните древних: их трагические маски, их двойные роли, — все это не есть ли условное неправдоподобие?» [11, с. 179].

Но не только оно: с помощью французского и немецкого языков зримо и слышимо воплощается образ чужеродного иноземного элемента в разворачивающейся в России трагедии.

В отечественном литературоведении распространено мнение, согласно которому сцена «Равнина близ Новгорода-Северского» исполнена комизма. Так, Е. Г. Эткинд писал: «Капитан Маржерет говорит по-французски, Вальтер Розен – по-немецки; этот эпизод носит неожиданно балаганный характер» [26, с. 393].

О шутовском характере изображения Маржерета и Розена говорила в своем комментарии к «Борису Годунову» и Л.М. Лотман: «Пушкин придавал большое значение этой сцене, в которой дан образ грубой прозы войны и достигнут яркий комический эффект через смешение трех языков, представленных в живом “бытовании”, в эмоциональной речи. Для зрителей императорского театра здесь было смешение трех понятных языков, а для значительной их части, хорошо знавшей французский язык, была понятна и непристойность брани Маржерета. На основании этой сцены Пушкин заявлял, что его трагедия “не для дам”. Но у народного зрителя была возможна и другая, “запрограммированная” автором ассоциация — восприятие столкновения войск как “вавилонского столпотворения» [5, с. 327].

Если допустить, что Пушкин пытался в этой сцене всего лишь изобразить «вавилонское столпотворение», дать образ «грубой прозы войны» и выставить в комическом свете своих героев-иноземцев, то становится непонятно, отчего в таком случае он придавал этой сцене «большое значение».

О шутовском характере батальной сцены пишет и канадский филолог Д. Клэйтон: «Комизм ситуации порождается реакцией русских на иностранные языки и изъясняющихся на них людей. Реакция беглых русских на иностранную речь незамысловата: они передразнивают акцент Маржерета, когда тот пытается говорить по-русски, и сравнивают его французский с лягушачьим кваканьем» [4, с. 187].

Непонятно, что в этой сцене собственно комического?

Что русские ратники передразнивают французского капитана?

Что один из командиров говорит по-французски, а другой по-немецки?

Подобный взгляд на пушкинскую сцену крайне поверхностен, хотя, разумеется, у каждого свое понимание комического.

Вдумаемся: уже один вид бегущего на тебя в панике войска картина не для слабонервных. Тут легко поддаться искушению пуститься наутек, а надобно стоять и сражаться, рискуя быть опрокинутым и затоптанным своими же. И в такой ситуации нет ничего удивительного в том, что французский капитан использует крепкие выражения, ведь он в проигрываемом бою, а не на балу. И да: он дитя «просвещенных европ» – козунник и богохульник. И в том его отличие от русских воинов, охваченных душевным смятением и страхом Божиим. Ведь они поставлены перед страшным выбором – биться на смерть за царя-святоубийцу – защитника Руси и веры православной, которому они

приносили присягу, или же встать на сторону законного царевича, ведущего на Русь иноверцев-еретиков и иноплеменников. «Воины (бегут в беспорядке), – гласит пушкинская ремарка. – Беда, беда! Царевич! Ляхи! Вот они! вот они!».

Один событийный и смысловой ряд. Ключевое слово: «Беда!»

Эти душевные переживания совершенно чужды двум капитанам-иноземцам, честно отработавшим свой контракт.⁵ Сцена «Равнина близ Новгорода-Северского» – это (помимо многого прочего) символ противостояния России и Запада, двух культур, двух противоположных воззрений на мир. Русские для иноземцев – всего лишь презренные трусы, ищущие себе оправдания.

Маржерет же для русских – басурман, нехристь, «лягушка, квакающая на русского царевича», чужак и почти что враг, ставший нежданно-негаданно их «товарищем по оружию».

Иностранцам совершенно непонятна духовная коллизия, возникающая в душе русского человека. К русским воинам француз обращается уже по-русски и с явным акцентом. Этот прием будет использован Пушкин в дальнейшем. С акцентом заговорит по-русски русский немец генерал Андрей Карлович Р. из «Капитанской дочки», по-французски будет изъясняться в ряде эпизодов и Лже-Дефорж, сиречь Дубровский.

Но вернемся к языковой теме и спросим себя, отчего француз Маржерет и немец Розен заговорили в «Борисе Годунове» каждый на своем родном языке? Логично предположить, что этим Пушкин хотел придать образу двух наемников пушью достоверность и дополнительные краски, живее и нагляднее выделить этих героев в ряду прочих персонажей – представителей иной культуры, подчеркнуть их чужеродность среде, в которой они живут и действуют. Ведь заговори они по-русски, эффект их присутствия в сцене явно снижался бы.

Уместно будет напомнить и то, что в критической ситуации человек предпочитает говорить на своем родном языке и уж тем более – браниться. Помимо этого у каждого пушкинского персонажа свой язык, своя манера речи и выражения чувств. Да и мелодика французского и немецкого языков – разная, а посему образы двух капитанов наполняются в прямом и переносном смысле своим, только им присущим, «звучанием». К тому же читающая публика в пушкинские времена в подстрочном переводе не нуждалась. В этом проявляется стремление Пушкина к преодолению сложившихся в драматическом искусстве условностей, авторское новаторство.

«Сукины дети»

Именно так называет пушкинский Варлаам стражников в сцене «Корчма на Литовской границе». Именно «сукины дети», употребленное единожды Пушкиным в одном из черновых вариантов «Бориса Годунова», значит в тексте трагедии, начиная с советских времен. В прежних изданиях стояло «пострелы», а в черновом варианте – даже «б...ны дети» [21, с. 401], [20, с. 636]. То же самое говорится и в Примечаниях к «Борису Годунову», опубликованных в четвертом томе Собрания сочинений поэта, изданном Императорской Академией наук в 1916 году [24, с. 101 вторая пагинация].

О том же повествуют и современные отечественные авторы [5, с.302].

⁵Впоследствии исторические Ж. Маржерет и В. Розен будут так же верой и правдой служить и Лжедмитрию I, и Лжедмитрию II, а француз напишет воспоминания о русской Смуте, посвятив их своему королю Генриху IV.

Таким образом, в первом рукописном варианте у Пушкина значилось «б...ны дети», во втором – «сукины дети», а в третьем, печатном – «пострелы». Кем была осуществлена окончательная правка – Пушкиным или кем-то еще – неизвестно.

В связи с этим возникает вопрос, отчего автор решил использовать крепкое русское слово, бывшее на момент написания трагедии уже целый век нецензурным? Какой смысл вкладывал в него Пушкин?

В комментарии к «Борису Годунову» Л. Лотман пишет: «Пушкин понимал, что такие выражения вызовут возражения как нарушающая приличие грубость, но ему было очень важно включение грубого, колоритного просторечья в текст. <>Между тем источником грубого выражения является свидетельство Карамзина, помещенное в примечаниях к III тому, главе I (примечание 5). Здесь историк говорит о том, в каких выражениях летописцы “осуждали своеволие новгородцев”. В некоторых рукописях еще сильнее “обычай б..диных детей”»[5, с.301 – 302].

Из сказанного вытекает, что Пушкин просто решил похулиганить, вдохновившись чтением сносок у Карамзина. Версия любопытная, но не очень убедительная. В «колоритности» ли просторечья тут дело? Посему полезно будет обратиться к этимологии этого ставшего нецензурным слова, к его первоначальному смыслу (смыслам).

Выражение «б..дины дети» несут, как представляется, тонкую смысловую нагрузку, понятную всем в веке XVII-м, мало понятную уже в пушкинские времена и понятную далеко не всем профессионалам века нынешнего. Но здесь мы вынуждены пойти наперекор современным правилам приличия и разъяснить кое-какие деликатные моменты относительно выражения, рассматриваемого ныне в качестве совершенно нецензурного.

Как справедливо отмечают современные исследователи, в частности, А.Л. Юрганов, значение слова «б..дь» в языке русского средневековья являет собой сложную контаминацию, структурными компонентами которой будут «ложь», «ересь», «распутная женщина» [27, с. 199 – 203].

Во всех этих значениях данное слово употреблял и протопоп Аввакум, писавший и о римской (читай, католической – Б.К.) ереси, и о заблуждении астрологии (внешней бл..ди»), и о погубившей библейского Самсона Далиде (Далиле) [3, с. 102, 326; 306; 171].

Именно ошибку, заблуждение, ересь означает это слово в переводе с церковно-славянского. Оно – «блядивы») – звучит в 1-м послании к Тимофею (1 Тим. 5:13) в значении «болтливы», употреблялось и употребляется ныне в канонах святым, посрамлявших еретиков, оно звучит в древних летописях и старопечатных книгах. Статус же «крепкого» это слово обрело благодаря горячей любви к нему В. К. Тредиаковского и невзлюбившей то же самое слово императрице Анне Иоанновне, которой читал свои стихи незабвенный Василий Кириллович.

Из богослужебного текста можно услышать выражения «Иерихонские Б..ди» или «Б..довый язык». Слово «б..дь» означает в этом случае неверность, лживость. «Б..довый язык» — это лживый язык. Как говорят источники, в библейские времена, жители города Иерихон славились своей лживостью.

Одним словом, в богословских трудах русских средневековых авторов, слово “б..дь” было синонимом слова “ложь”, “ересь”. Но ложь в то время... была тесным образом связана с дьявольским миром и противостояла Правде Истинной, — самому Христу.

И ни у кого не возникало сомнений в благочестивости того, кто эти слова произносил или употреблял их в письменной форме. А к середине XVII в. резко возрастает число упоминаний словосочетания “б..дин сын”, которые стали использоваться в качестве

своеобразного оружия против тех, кто не принял нововведений Никона. Впрочем, и Аввакум называет так никониан.

Итак, Правде истинной противостоит «б..дь» (ложь), иначе говоря - Христу противостоит Дьявол, носитель тьмы, породитель “б..ди”.

Возвращаясь после такого затянувшегося экскурса к сцене в корчме, отметим, что пушкинское «б..дины дети», вложенное в уста Варлаама, в очередной раз подчеркивает несправедный, лживый характер власти, равно как и всего творящегося вокруг Бориса и Гришки Отрепьева, являющегося в то же самое время возмутителем лжи и ереси. Он тоже «б..дин сын». И притом в первую очередь.

Стражники служат «святоубийце» Годунову, царю, отстроившему свою власть на лжи, то есть, на... Таким образом, приставы предстают персонификациями несправедной власти, и пушкинское «б..дины дети» становится как нельзя более уместным и адекватным ситуации.

Выражение же “сукины дети” явно снижает градус и низводит фразу с ее религиозно-политического уровня до уровня бытового, тривиального ругательства по конкретному адресу занимающихся вымогательством годуновских правоохранителей. И Отрепьев в их поле зрения попадает совершенно случайно: мотивом «установления личности» становится тривиальное желание приставов поживиться за счет трапезничающих; забыты все «ориентировки», полученные от начальства. И надо же такому случиться, что нападают они на тех, кого обязаны «изловить» и «препроводить»!

В советское время пушкинский Варлаам стал кричать «сукины дети». Впервые он употребил это выражение в одномомнике сочинений Пушкина 1924 года [16, с.282]. Очевидно советские текстологи, не решившиеся употребить пушкинское «бл...ны дети», решили, что «пострелы» применительно к приставам будет звучать слишком мягко. Ведь пострелами часто называют детей-баловников.

Что же касается «пострелов», то они присутствовали во всех изданиях сочинений Пушкина, за исключением двух. Так, в 1905 году П.А. Ефремов дерзнул проявить инициативу и вставить в пушкинский текст собственное «собачьи дети» [21, с.93]. Пушкинское «сукины дети» явно резало слух воспитанному в старых традициях Петру Александровичу, к тому же «его превосходительству». А через три года не обремененный чинами-званиями С.А. Венгеров впервые в истории русского книгопечатания отважился воспроизвести исконно пушкинское «б... дети» [2, с.332]. Именно так. С отточиями. Позволить себе подобную дерзость советские литературоведы-текстологи не смогли, ограничившись примечаниями в ряде комментариев к трагедии и неизменными «сукиными детьми».

Их очевидно не насторожило то, что одним из эпитетов, которым награждает Гришку Отрепьева пушкинский Патриарх, становится помимо «бесовского сына» и «сосуда дьявольского» «пострел окаянный».

И тут в пору обратиться к этимологии слова «пострел». Как отмечал академик В.В. Виноградов, ссылающийся на В.И. Даля, «кроме своего прямого значения — удар, кондрашка, апоплексия, пострел, приобрело также значение: злая, враждебная сила, нечистый, злобный дух, черт» [2, с.519].

Следует признать, что слово «пострел» у Пушкина более чем уместно. Все, что происходит вокруг Самозванца, есть бесовщина в чистом виде, и потому употребление этого слова пушкинским героем хотя и менее точно, чем выражение «б..дины дети» (власть Бориса не бесовская, она несправедная), однако куда глубже по смыслу, нежели бытовое, хотя и емкое «сукины дети».

Соответственно, эпитет «пострел окаянный» будет означать в устах Патриарха «проклятый», одержимый дьяволом».

Так что отнюдь не в колоритности «просторечья», о котором писали советские комментаторы «Годунова», тут дело. Каждое слово у Пушкина несет в себе явные и скрытые смыслы, и присутствие ее в тексте отнюдь не следствие любви поэта к соленому словцу. Для внешней экспрессии «сукиных детей» ему вполне хватило бы. Каждое ругательство в трагедии имеет свою функцию и, в частности, указывает на скрытый, мистический пласт описываемой в «Борисе Годунове» Смуты.

Литература

1. Библиотека великих писателей под редакцией С.А. Венгерова. «Пушкинъ» Т. II Издание Брокгаузъ-Ефронъ: С.-Петербургъ, 1908.
2. *Виноградов В.В.* История слов. М.: ИРЯ РАН, 2-е издание, 1999.
3. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Подготовка текста и комментарий: Н.К. Гудзия, В.Е. Гусев, А.С. Елеонская, А.И. Мазунин, В.И. Малышев, Н.С. Сарафанова. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960.
4. *Клэйтон Дж. Даглас.* Тень Димитрия. Опыт прочтения пушкинского «Бориса Годунова»/ Перевод с англ. Л. Семёновой и И. Сакулина. СПб.: Академический проект, Издательство ДНК, 2007.
5. *Лотман Л.М.* Историко-литературный комментарий // Пушкин А. С. Борис Годунов. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический Проект», 1996.
6. *Непомнящий В.С.* Пушкин. Избранные работы 1960-х – 1990-х гг. Т. I. Поэзия и судьба. М.: Жизнь и мысль, 2001.
7. *Палиевский П.В.* Развитие русской литературы XIX – начала XX века. Панорама. СПб.: Росток, 2016.
8. *Пушкин А.С.* Письмо П.А. Вяземскому от 1 — 8 декабря 1823 г. // Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959 — 1962. Том 9. Письма 1815 – 1830.
9. *Пушкин А.С.* Письмо П.А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г. // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
10. *Пушкин А.С.* Письмо П.А. Вяземскому. Около 7 ноября 1825. // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
11. *Пушкин А.С.* Письмо Н.Н. Раевскому-сыну из Михайловского от 1825 // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 6, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
12. *Пушкин А.С.* Письмо П.А. Плетневу от 7 (?) марта 1826 г. // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9, М.: ГИХЛ, 1962. – С. 229.
13. *Пушкин А.С.* Письмо П.А. Вяземскому 2 января 1831 // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 10, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
14. *Пушкин А.С.* Второй набросок предисловия к трагедии «Борис Годунов» // Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Том 6. Критика и публицистика.
15. *Пушкинъ А.С.* Полное собрание его сочинений/ Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Издание В.В. Комарова под редакцією П.А. Ефремова. Томъ Второй. Второе издание. С.-Петербургъ, Типографія В.В. Комарова 1887.
16. *Пушкин А.С.* Сочинения. Редакция Б. Томашевского и К. Халабаева. Ленинград: Государственное издательство: 1924.
17. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в шести томах под общей редакцией Демьяна Бедного, А.В. Луначарского, П.Н. Сакулина, В.И. Соловьева, П.Е. Щеголева. Вступительная статья А.В. Луначарского. Москва, Ленинград: Государственное

Куркин Б.А., Мурашкина О.В.
Ненормативная лексика в трагедии А.С. Пушкина
«Борис Годунов»: цель и значение
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 16–27.

Kurkin B.A., Murashkina O.V.
Non-normativ lexicon in «Boris Godunov» tragedy by A.S.
Pushkin: its goal and meaning
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 16–27.

издательство, 1930. Том Третий. Поэмы, драмы. Редакция С.М. Бонди, Б.В. Томашевского и П.Е. Щеголева. Статья Н.С. Ашукина. Приложение к журналу «Красная нива» на 1930 год.

18. Сочинения А.С. Пушкина. Издание Общества для пособия нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакціею и съ объяснительными примѣчаниями. П.О. Морозова. Томъ третій. Поэмы и драматическія произведенія (1825 – 1833). С.-Петербургъ: Типографія А.С. Суворина, 1887.

19. Сочинения Пушкина. Полное собрание въ одномъ томѣ. Издано подъ редакціей П.В. Смирновскаго. Издание книгопродавца А.Я. Панафидина. Москва, 1900.

20. Сочинения и письма А. С. Пушкина. Критически провѣренное и дополненное по рукописямъ издание, съ біографическимъ очеркомъ, вступительными статьями, объяснительными примѣчаниями и художественными приложениями, подъ редакціей П. О. Морозова. Томъ третій. Поэмы, повѣсти и драматическія произведенія въ стихахъ(1820—1833). С.-Петербургъ, 1903.

21. Сочинения А. С. Пушкина/ Редакция П.А. Ефремова (в восьми томах) 1903 – 1906. Издание А. С. Суворина. Томъ III: Поэмы, драматическія произведенія. СПб.: 1903

22. Сочинения А. С. Пушкина/ Редакция П. А. Ефремова. Издание А. С. Суворина. Томъ VIII: Примѣчания, добавленія и поправки. СПб.: 1905.

23. Сочинения Пушкина. Издание Императорской Академіи наукъ. Том четвертый. Петроградъ: 1916. Примѣчания.

24. Сочинения Пушкина. Полное собрание въ одномъ томѣ. Издано подъ редакціей П.В. Смирновскаго. Издание А.С. Панафидиной. Издание десятое. М.-Петроградъ, 1917.

25. *Сухомлиновъ М.И.* Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Томъ 2. С.-Петербургъ. Издание А.С. Суворина, 1889.

26. *Эткинд Е.Г.* Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Языки русской культуры, 1999.

27. *Юрганов А.Л.* Из истории табуированной лексики. Что такое “блядь” и кто такой “блядин сын” в культуре Русского Средневековья // *Одиссей. Человек в истории.* М.: Наука, 2000.

Non-normativ lexicon in «Boris Godunov» tragedy by A.S. pushkin: its goal and meaning

Kurkin B.A.,

Doctor of jurisprudence, professor Associate Professor Department of Constitutional and Administrative law, Tambov State Technical University, Tambov, Russia, kurkinba@gmail.com kurkin.boris2012@yandex.ru

Murashkina O.V.,

PhD (Philology), Assistant Professor at the department of foreign languages for civil servants at the Institute of Civil Service and Public Administration, RANEPА, Moscow, Russia, www.ranepa.ru

---

The article analyzes cases of using obscene language by Pushkin and the history of their censoring. The author reveals historical value and meaning of expressions that became profanity, as well as their role and semantic function in the tragedy.

Keywords: non-normative lexicon.

References

1. Biblioteka great writers under the editorship of SA. Vengerov. "Pushkin" T. II Brokgauz-Efron Publishing: S.-Petersburg, 1908.
2. Vinogradov V.V. History of words. Moscow: ILI RAS, 2 nd edition, 1999.
3. The life of Avvakum, his own writer, and his other writings. Preparation of the text and comment: N.K. Goodzia, V.E. Gusev, A.S. Olives, A.I. Mazunin, V.I. Malyshev, N.S. Sarafanova. Moscow.: State publishing house of fiction, 1960.
4. Clayton. J. Douglas. Shadow Dimitri. The experience of reading Pushkin-sky "Boris Godunov" / Translation from English. L. Semenova and I. Sakkulina. SPb.: Academic Project, DNA Publishing House, 2007.
5. Lotman L.M. Historical and literary commentary // Pushkin A. S. Boris Godunov. - SPb.: Humanitarian Agency "Academic Project", 1996.
6. Nepomniachtchi V.S. Pushkin. Selected Works of the 1960s - 1990s TI. Poetry and Fate. M.: Life and thought, 2001.
7. Palievsky P.V. The development of Russian literature XIX - early XX century. Panorama. SPb.: Rostock, 2016.
8. Pushkin A.S. P.A. Vyazemsky from December 1 - 8, 1823 // *Collected Works in 10 volumes. M.: GIHL, 1959 - 1962. Volume 9. Letters 1815 - 1830*
9. Pushkin A.S. P.A. Vyazemsky on November 29, 1824 // *Collected Works in 10 volumes. V. 9, M.: State Publishing House of Fiction, 1962.*
10. Pushkin A.S. P.A. Vyazemsky. Around November 7, 1825 // *Collected Works in 10 volumes. V. 9, M.: State Publishing House of Fiction, 1962.*
11. Pushkin A.S. Letter N.N. Rayevsky son of Mikhailovsky from 1825 // *Collected Works in 10 volumes. V. 6, M.: State Publishing House of Fiction, 1962*
12. Pushkin A.S. P.A. Pletnev on March 7, 1826 // *Collected Works in 10 volumes. V. 9, M.: GIKHL, 1962. - P. 229.*
13. Pushkin A.S. P.A. Vyazemsky January 2, 1831 // *Collected Works in 10 volumes. V. 10, M.: State Publishing House of Fiction, 1962.*
14. Pushkin A.S. The second draft of the preface to the tragedy "Boris Godunov" // *Collected Works in 10 volumes. Moscow: GKHL, 1959-1962. Volume 6. Criticism and journalism.*
15. Pushkin A.S. A complete collection of his writing / Ed. P.A. Efremov. SPb.: Published by V.V. Komarov under the editorship of P.A. Yefremov Tom Second. The second edition. St. Petersburg, V.V. Komarov 1887.
16. Pushkin A.S. Writings Edited by B. Tomashevsky and K. Khalabaev. Leningrad: State Publishing: 1924.
17. Pushkin A.S. Complete works in six volumes under the general editorship of Demyan Bedny, A.V. Lunacharsky, P.N. Saku-lina, V.I. Solovyov, P.E. Shchegolev. Introductory article A.V. Lunacharsky. Moscow, Leningrad: State Publishing House, 1930. *Volume Three. Poems, dramas.* Editors S.M. Bondi, B.V. Tomashevsky and P.E. Shchegolev. Article N.S. Ashukin. Supplement to the magazine "Red Niva" in 1930.
18. Works by A.S. Pushkin. Publication of the Society for Assistance to Needy Scientists and Scientists, edited and filming explanations. BY. Morozov. *Tom the third. Poems and dramatic works (1825 - 1833).* St. Petersburg: Typography A.S. Suvorin, 1887.

Куркин Б.А., Мурашкина О.В.
Ненормативная лексика в трагедии А.С. Пушкина
«Борис Годунов»: цель и значение
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 16–27.

Kurkin B.A., Murashkina O.V.
Non-normativ lexicon in «Boris Godunov» tragedy by A.S.
Pushkin: its goal and meaning
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 16–27.

19. Writing Pushkin. Full assembly in one tomъ. Published under the editorship of P.V. Smirnovsky. Publisher bookseller A.YA. Panathidine. Moscow, 1900
20. Works and letters of A. S. Pushkin. Critical support and additions to the manuscript edition, biographical sketches, introductory articles, explanatory and artistic appendices, edited by P. O. Morozov. *Tom third. Poems, narratives and dramatic works produced in verse (1820–1833)*. St. Petersburg, 1903
21. Works of A.S. Pushkin / Rev. PA Efremov (in eight volumes) 1903 - 1906 Published by A.S. Suvorin. *Volume III: Poems, dramatic picture*. SPb.: 1903
22. Works of A.S. Pushkin / Rev. P. A. Efremov. Published by A.S. Suvorin. *Tom VIII: Meetings, additions and amendments*. SPb.: 1905.
23. Composing Pushkin. Published by the Imperial Academy of Sciences. *Volume four*. Petrograd: 1916. Note.
24. Composing Pushkin. Full assembly in one tomъ. Published under the editorship of P.V. Smirnovsky. Izdanie A.S. Panathidine. Published tenth. M.-Petrograd, 1917.
25. Sukhomlinov M.I. Studies and articles on Russian literature and education. *Tom 2*. St. Petersburg. Published by A.S. Suvorin, 1889.
26. Etkind E.G. Divine Verb. Pushkin, read in Russia and in France. M.: Languages of Russian culture, 1999.
27. Yurganov A.L. From the history of taboo vocabulary. What is “fuck” and who is such a “fucking son” in the culture of the Russian medieval carpet // *Odyssey. The man in the story*. M.: Science, 2000.

The Definitions of Learning Process (Types of Motivation and Theories)

Burlakova I.I.,

doctor of pedagogical Sciences, Professor of the Department "Linguodidactics and intercultural communication" MGPPU, Moscow, Russia, burlakovaii@mgppu.ru

Gubanova L.V.,

associate Professor of the Department "Linguodidactics and intercultural communication" MGPPU, Moscow, Russia, lavagu@yandex.ru

---

Learning is one of the major items dealt with psychology. Learning is typically defined as modification of behavior through practice and training. The process of learning is affected by such factors as environment, motivation, health, emotions, maturation and aging. A number of theories are found operative for the process of learning among which the prominent are:

Classical conditioning by I.P. Pavlov,

Operant conditioning by B.F. Skinner,

Trial and Error theory by E.L. Thorndike,

Gestalt or Insightful theory by F. D. Kohler and Kurt Koffka,

J. B. Watson's theory of learning and etc.

It is suggested that for the best transfer of learning the individual should discover interrelationships for himself. He should be exposed to the diverse and multifaceted interrelationships and principles that can help draw generalizations.

Key words: learning, behavior, motivation, conditioned response, trial and error, insight.

Для цитаты:

Бурлакова И.И., Губанова Л.В. Определение процесса обучения (типы мотивации и теории) [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №3. С. 28-34. doi: 10.17759/langt.2019060303

Forcitation:

Burlakova I.I., Gubanova L.V. The Definitions of Learning Process (Types of Motivation and Theories) [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst [Language and Text], 2019, vol. 6, no. 3, pp. 28-34. doi: 10.17759/langt.2019060303. (In Engls., abstr. in Russ.)

Introduction.

All living is learning. The individual is in active relations with his environment. The modifications of behavior that result from this interaction, activity and experience, are what we understand by learning.

Learning is a change. It is a change of a behavior influenced by the previous behavior. It covers all those processes by which individuals acquire new forms of thinking, feeling and willing. It

is more than school learning. It means knowledge, skill, habits, virtues, beliefs, and attitudes, in brief all that makes up our character and personality. It is any activity that leaves a more or a less permanent effect on our later.

Learning is treated as the focal area of psychology as it deals with an individual's behavior. Our schools, colleges, academies etc. are meant for accomplishing this process by better and beneficial patterns of behavioral trends. Such learning is supposed to help children lead a meaningful and successful living style.

The Concept of Learning

The concept of learning is so vast that it defies all our attempts to confine it to a precise definition. First of all, the teacher needs to have profound knowledge about the concept and the process of learning as it is the main agenda of his profession. After having sufficient understanding of the process, he can effectively initiate, control and guide the behavior of learners in a proper manner.

The Nature of Learning

What elements are common to various types of learning? Learning may be defined as changing one's ways of perceiving; thinking and doing through experiences partially motor, partially perceptual, partially intellectual and partially emotional.

First, learning is always multiple involving perception, knowledge, thinking, feeling and doing. For the purposes of close study psychologists may divide learning into motor, emotional and intellectual, but these are only several aspects of one process of learning.

Learning comes only through experience. Knowledge cannot be given directly as a whole; it is the result of the learner's own perception and thinking. This is the basis of the common phrase "learning by doing". Learning cannot be imposed from outside, the teacher can control it to the extent of his control of experience. Such things as making decisions, cooperating or controlling the expression of strong emotions, can be learnt by the taughts only through facing situations in which they must take a decision, cooperate or control their emotions, certainly not by simple advice or reading.

Learning is always purposeful. It is only in the satisfaction of the needs and interests that young people learn. They have had certain experiences and on their basis they have acquired goals and purposes, ideas about their own abilities and proficiency, about what is expected of them by their parents, teachers and class-mates. In the several studies made of learning processes in the classroom and laboratories by psychologists there is no evidence for the common belief that the more bitter the medicine the better it is for the patient.

Characteristics of Learning

The following characteristic features isolate learning from the rest of the process in the universe:

- learning is goal oriented;
- prerogative art of the living beings;
- cumulative in nature;
- it is a continuous and relatively permanent process;
- it depends on the physical and mental maturity;
- the rate of it is irregular at various stages;
- it is indirectly observed from the displayed behaviour of the individual.

In learning, either the innate, inherited *modes of behavior are modified* or *new forms of behavior are acquired*. The most part of the process of pupils' learning consists of modifying, adapting and developing their original nature. Later the individuals acquire new forms of behavior. All this is done to meet new situations, to adjust to a changing environment. This is why learning is often described as adjustment. Learning is universal. Every creature that lives learns.

But of all creatures **man learns most**. Human children have the longest period of immaturity and helplessness and hence the longest period and opportunity for learning. The human nervous system is very complex, so are human reactions and human acquisitions.

Learning is a growth, but it is a never-ending growth. There is hardly anybody, a man or an animal, who has no more to learn. At each stage, the learner acquires new visions of his future growth and new ideals of achievement in the directions of his effort. Every achievement made becomes the basis of a fresh endeavor and thus the constant urge of his soul to newer and higher ideals of work and achievement is progressively fulfilled.

But should this learning be haphazard and aimless? Should there be no direction to the learning process? Young people may learn bad things as well as good ones; they may acquire vices as well as virtues, inefficient ways of acting and wrong modes of thought. It is the responsibility of education to direct them into desirable and efficient learning process.

Types of Learning

Learning covers a wide range. It is present in simple forms of animal behavior as also in the complex types of adult human behavior. The difference between the simple and the complex is not of kind but of degree. Let us describe the main types of learning.

Learning by Conditioned Response. The simplest and the most rudimentary type of learning is that of conditioned response. It is a process of substituting the original stimulus by a new one and connecting the response with it. The learned response is called a conditioned response because it is dependent upon condition and the process is referred to as conditioning.

In learning by a conditioned response, repetition of the association between the new stimuli with the response is necessary and much time should not pass between the presentation of the stimulus and the response. In course of time, the stimulus is generalized. Learning by conditioning is learning *by association*.

But in learning by conditioning there is neither choice nor freedom, not any consideration of the use or good of learning. Practice and repetition strengthens the bonds of conditioning and the lack of it weakens them.

Learning by Trial and Error. This is another simple form of learning. The random movements are not limited at once. At the first attempt, their number is very large, at the second one, the number of errors diminishes and the range of activity becomes narrower. Gradually the individual learns to proceed straight to the goal without any error. Improvement generally takes place through repetition.

Although this method is very common, it is not economical. It is slow, tiresome and aimless. It needs a greater energy than higher types of learning. Why?

At first, the essential nature of trial and error learning is that the learner is unable to foresee what movements are important and what is the right way of making them. It is learning by blundering, by trying something and succeeding or failing.

Secondly, at least among animals the element of deliberation is absent though there is a considerable trial and error activity in thinking itself. In the solution of problems, we often follow the *try out method* in reasoning.

Thirdly, the learner has *greater freedom* in this type of learning, he can move about at

will and go along his own pace; when he is unable to solve the problem, he is quiet and normal.

Fourthly, he learns *by doing*, through *activity* and *self-direction*. This is a very effective manner of learning, actually living through experiences.

Lastly, the presence of goals and purposes, drives and motives stimulates the process of learning.

We can sum up: in the trial and error learning the learner has a motive; the motive leads to varied types of activity in which the learner tries various types of responses, some of them later are rewarded. The success and the satisfaction of the motive and the responses not leading to success are discarded while those ones leading to success are established.

Learningby Insight. Some animals and all human beings learn in fewer trials. They use their sense along with motor activity. *Learningby Observation is learningby insight*, learning by perceiving the relationship on the scene and understanding the situation. After looking over the whole situation, the learner strives to make some sense out of it, and it gives him clues regarding the way he should proceed to solve the problem, the method he should pursue, and a general awareness of the consequences of performing an act. This type of learning is obviously more efficient for the learner consciously perceiving the relations, which this or that problem includes.

Theories of Learning

Woodworth does not favor its description as learning by observation, because insight implies some penetration into the true nature of things.

As to *J. B. Watson's theory of learning*, it is supposed to be a modification and an extension of the trial and error learning theory.

Law of frequency and the law of recency are the two added elements to *the theory of trial and error by E. L. Thorndike*. The theory holds that when the organism is subjected to a new situation, it resorts to random activities among which the right one is picked up and the rest are eliminated in successive times. The following laws like *law of readiness, law of exercise (use and disuse), the law of effect* are the major ones in this theory.

The mathematical equation $S - O - R = F(H \& D)$ is explained the stimulus (S), that affects the organism (O) and the response (R) depends upon (O) as well as (S). The S - O - R relationship is a function of a habit (H) and a drive (D).

B. F. Skinner's operant conditioning is totally different from Pavlov's classical conditioning. The following things like *shaping (generalization, chaining and habit competition), extinction, spontaneous recovery, concept of reinforcement etc.* are prominent in this theory. Reinforcement can be of three types:

- a positive reinforcer,
- a negative reinforcer,
- and a punisher.

A negative reinforcer is an unpleasant stimulus but a punisher is an opposing stimulus.

Gestalt theory of learning or insightful theory is an improved one which pertains to cognition or perception. The intellect of an organism catches a specific configuration or a pattern on a particular contact and learning is affected by it. The various concepts in it are *figure and ground, similarity, proximity, transposition etc.* This theory has the following characteristic features – it is sudden, sharp and selective, it proceeds from helplessness to absolute mastery. The teaching-learning situation should be managed by the doctrines of the above theory. From the point of view of this theory, *introduction, presentation and evaluation of learning materials, motivation etc.* should be made highly appealing to the learners.

Kurt Lewin's topological or vector psychology deals with the field of learning. The new concept inherent in it is *life space* which in fact is the total sum of factors affecting the behavior

of the organism at any moment. Lewin's equation

$$B = F(P \& E)$$

states that a behavior (B) is the function (F) of a psychological person (P) and his psychological environment (E).

According to Lewin, learning involves four categories of change, namely:

- a change in cognitive structure;
- a change in motivation;
- a change in ideology;
- a change in voluntary control or acquiring skills.

Kurt Lewin emphasizes upon congeniality of the environment where teaching is tied for bells results.

Tolman's Sign Gestalt theory belongs to the purposive psychology which views that the act of behavior has its distinctive properties and distributed as irrespective of the underlying muscular, glandular and neural processes. He emphasizes that the purposive nature of *all the learnings* being governed by a number of variables.

The independent variables include *environmental stimuli (S)*, *psychological drive (P)*, *heredity (H)*, *previous training (T)* and *maturity of age (A)*. So, behavior (B) is a function of all the above mentioned variables:

$$B = F(S, P, H, T, A)$$

The dependent variables are all the observable behavioral changes that are caused by the independent variables.

There are also *varieties of theories* that are overlapping the concept of transfer of learning. The major theories are:

- the theory of formal discipline,
- the theory of identical or common elements,
- the theory of generalization,
- the theory of transposition.

The theory of **formal discipline** states that our view is composed of memory, imagination, reasoning, analysis, temperament etc. Learning is greatly affected by exercises of all these faculties of the mind. Transfer of skills and attributes is *automatic* when a particular faculty has been developed properly.

The theory of common elements suggests that transfer of learning takes place between one to another when some commonalities exist between the two tasks or situations. As to E.L. Thorndike, there are two very important factors that affect *transfer of learning* through common elements, one of which is the matter and the other is the *method*.

On the other hand, **the generalization theory** states that transfer of learning is possible only on the basis of generalization, not on identical elements. Generalization refers to the perception of the fact what is common in a number of situations.

Transposition theory upholds that learning becomes transferable when the learner is capable of comprehending the things properly and transposing the same in subsequent occasions. Transposition refers to the *reproduction* of things in the desired and deserved *contexts*.

Motivation in Learning

Motivation is the heart of learning, it is the condition, which increases the vigor of activity, it initiates and sustains behavior and it is the reason why we do what we do. A motive implies a need and the direction of behavior toward a goal. Without this desire to learn, no amount of inducement

will have any effect. So, teachers should make pupils want to learn for a desire to learn. There is almost no limit what the teacher and the class can accomplish.

Some teachers use the fear of punishment to make children learn others ignore them altogether. All these attitudes are fruitless. Successful teachers implant a desire in the minds of pupils to learn and accomplish what tasks they give them, they are able to create a motive for learning in them. Such teachers believe that in general, children like to learn and to be given the right kind of guidance and help will take to their work with zest.

Rewards and **punishments** are also used to motivate learning. Pressures of success and failure, promises of enjoyment and fear of disappointment are powerful motives. Rivalry and competition also provide the motivating power. But all of them may be over-employed to produce real anxiety. Every teacher knows how examinations cause tension and how fear of failure renders many pupils incapable of any effort. Every teacher will have his own device of achieving this.

But motivation is not only the teacher's responsibility. It also depends on his needs and desires, his interests and goals the pupil brings to the school and it is his work. A hungry, thirsty or half-sleepy child will not apply himself to any task. Grown-up boys and girls are often detracted by the opposite sex and cannot concentrate on their work. Apart from these drives the need for activity is urgent and has to be satisfied.

References

1. Bandura A. Social Learning Theory. Eglewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1973, 390 p.
2. Gagne R. The conditions of learning. 4-th ed. NY: Holt, Renihart & Winston, 1985.
3. Johnson D. W., Johnson R. T. Learning together and alone. Cooperation, Competition and in dualization. Eglewood Cliffs. 1975.
4. Skinner B.F. The technology of teaching. NY: Appleton – Century, Crofts, 1968.

Определение процесса обучения (типы мотивации и теории)

Бурлакова И.И.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», МГППУ, Москва, Россия, burlakovaii@mgppu.ru

Губанова Л.В.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», МГППУ, Москва, Россия, lavagu@yandex.ru

---

Обучение является одним из основных вопросов, связанных с психологией. Обучение обычно определяется как модификация поведения посредством практики и обучения. На процесс обучения влияют такие факторы, как окружающая среда, мотивация, здоровье, эмоции, созревание и старение. Существует ряд теорий, действующих в процессе обучения, среди которых выделяются следующие:

Классическое кондиционирование И. П. Павлова,

Оперантное кондиционирование по Б. Ф. Скиннеру,

Теория проб и ошибок Э. Л. Торндайка,

Гештальт или проницательная теория Ф. Д. колера и Курта Коффки,

Теория обучения Дж. Б. Уотсона и др.

Предполагается, что для достижения наилучших результатов обучения индивид должен открыть для себя взаимосвязи. Он должен быть подвержен воздействию разнообразных и многогранных взаимосвязей и принципов, которые могут помочь сделать обобщения.

Keywords: обучение, поведение, мотивация, условная реакция, метод проб и ошибок, инсайт.

Литература

1. *Бандура А.* Теория Социального Обучения. Энглвуд Клифс, Нью-Джерси: Прентис-Холл, 1973, 390 стр.
2. *Ганье Р.* Условия обучения. 4-е изд. Нью-Йорк: Холт, Райнхарт & Винстон, 1985.
3. *Джонсон Д.В., Джонсон Р.Т.* учатся вместе и в одиночку. Сотрудничество, конкуренция и дуализация. Энглвуд Клифс, 1975.
4. *Скиннер Б.Ф.* Технология преподавания. Нью-Йорк: Эплтон – века, Крофтс, 1968.

Философский взгляд на язык как средство и способ реализации

Михалкин Н.В.,

доктор философских наук, профессор кафедры философии и гуманитарных наук Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия, mihalkinnv@mgppu.ru

Аверюшкин А.Н.,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия, paperitetics@yandex.ru

В статье рассматривается взаимосвязь между процессом развития у студентов вузов черт и свойств личности специалиста, позволяющим им активно включиться в их профессиональную деятельность и соответствовать требованиям общественной практики в стране, и языком текстов, устной речи, который выступает средством развития у учащимся заявленных черт и свойств личности специалиста. Авторы, на основе философского подхода, предприняли попытку осмыслить возможности русского языка как средства и способа реализации в вузе сложного процесса реализации практико-ориентированного образования. В статье авторы реализуют свой замысел, опираясь на авторское определение содержания практико-ориентированного образования, которое имеет своё отличительное проявление в условиях изменяющегося содержания общественной практики и видов профессиональной деятельности.

Ключевые слова: язык, средство, способ, практика, практико-ориентированное образование.

Для цитаты:

Михалкин Н.В., Аверюшкин А.Н. Философский взгляд на язык как средство и способ реализации в вузе практико-ориентированного образования [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №3. С. 35-42. doi: 10.17759/langt.2019060304

Forcitation:

Mikhalkin N.V., Averyushkin A.N. Philosophical view of language as a means and way of implementing practice-oriented education in the university [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst [Language and Text], 2019, vol. 6, no. 3, pp. 35-42. doi: 10.17759/langt.2019060304 (In Russ., abstr. in Engl.)

Выделение и осмысление средств и способов любой деятельности непременно предопределяется заявленной целью. Такой же является и задача осмысления, с позиций философского подхода, средств и способов реализации в вузах практико-ориентированного образования.

Именно поэтому в данной статье авторы изначально намерены определиться с таким феноменом, как практико-ориентированное образование.

Изучению синтаксиса и семантики предложений посвящен ряд работ таких ученых, как А.С. Сафаев [7], М.В. Никитин [5], К.З. Ахмеров [3], И.Х. Ахматов [2], М.З. Закиев [4], Л.С. Оказ [6] и других.

Сегодня, когда в мире и стране содержательно меняется жизнь человечества и каждый, кто «вступает» в её «поле», обязан быть готов разрешать непрерывно возникающие перед ним противоречия, необходимо получать для этого практико-ориентированное образование.

То есть такое образование, которое уже «осмыслило» современную общественную практику и осуществляет научение, воспитание студентов, способных не столько адаптироваться к современным процессам жизнедеятельности человечества, но и минимизировать негативные воздействия их результатов на природу и самого человека.

Такое образование, которое способно придать современной общественной практике направленность на обеспечение безопасности человека и человечества, на социальный прогресс и развитие в каждом человеке человеческих начал.

Авторы данной статьи считают, что практико-ориентированное образование – это сложный диалектический процесс и результат усвоения человеком систематизированных знаний, формирование у него конкретных умений и навыков, утверждение в его сознании и поведении высоких моральных ценностей, развитие конкретных, значимых для его деятельности, компетенций, а также качеств социально-зрелой и надёжной личности, способной и готовой включиться в жизнь и деятельность конкретной социальной группы, коллектива, по своей профессии, придав им импульс позитивных изменений в форме прогресса с обеспечением им и себе безопасности, самодостаточности и суверенности.[5: 58-59]

Содержательно оно включает в себя следующие компоненты:

- а) профессионально-ориентированное образование;
- б) социально-формирующее образование, нацеленное на формирование социально-зрелой и социально надёжной личности для конкретного общества, страны;
- в) гуманистическое или духовно-нравственное образование, нацеленное на развитие в каждом человеке высоких нравственных качеств и свойств личности;
- г) безопасностное образование, нацеленное на формирование в человеке свойств и черт, которые позволят ему создавать такие отношения и действия, которые обеспечат безопасность ему, обществу и государству;
- д) физическое и психологическое образование, нацеленное на развитие в человеке таких качеств, которые позволят ему действительно и эффективно выполнить выделенные компоненты практико-ориентированного образования.

Основу формирования практико-ориентированного образования составляют занятия по развитию у обучаемых научного философского мировоззрения, методологической культуры мышления и практического действия, а также широкой палитры опыта. Образование не может быть практико-ориентированным не только без приобретения обучаемым опыта, но также без развития у него правильного научного мышления и необходимых компетенций.

То есть практико-ориентированное образование изначально требует формирования у учащегося соответствующего вида правильного мышления. Всё дело в том, что в нынешних условиях развития человечества только наличие определенного уровня и

качества мышления у специалиста позволяет ему развивать соответствующие умения, навыки, компетенции, руководствуясь при этом научными, истинными знаниями.

Правильное мышление основывается на научном философском мировоззрении, на таком же уровне методологической культуры человека.

Если этого не будет, то вместо «практического специалиста» мы подготовим «технолога – операциониста». То есть вместо творческой личности мы подготовим «заменителя» какого-то процедурного действия машины.

Особенно важно формирование правильного мышления у выпускников вузов социальных и гуманитарных профессий, ибо они обязаны слушать и «слышать» своего оппонента, доступно и убедительно «доносить» ему свои мысли. Они обязаны владеть навыками аргументации и полемики, «инструментарием» предупреждать и разрешать конфликтные ситуации.

Кроме этого, специалисты этого профиля обязаны обладать чертами и свойствами лидера, умениями формировать и использовать в жизни и в профессиональной деятельности потенциал лидера, обладать способностями формирования коллектива и управления им.

Они обязаны быть способными и готовыми к формулированию социально значимых целей, к «материализации» этих мыслительных построений, обладать для этого волей, направленностью, физической подготовленностью.

Если вдуматься в содержание практико-ориентированного образования, то очевидным является утверждение, что определяющую роль в нём обязан играть язык как средство и способ развития у учащихся правильного мышления в полном его объёме.

Философский взгляд на язык, в этом случае, сводится не только к установлению соотношений между практической деятельностью выпускника вуза и его мышлением, базирующимся на высоком уровне его мировоззрения, но и выявлению и включению в образование потенциала родного языка как средства и способа эффективного обеспечения в достижении поставленной цели.

При этом язык, мышление, практико-ориентированное образование, по мнению авторов этой статьи, следует рассматривать как относительно самостоятельные, но взаимосвязанные феномены бытия человечества.

При таком взгляде на выделенные нами связи между языком, практико-ориентированным образованием и мышлением становится очевидной связь гносеологического статуса языка в научении, то есть его потенциал быть «средством» в развитии мышления, умений, навыков практически-преобразовательной деятельности студентов, и, одновременно, быть «способом» формирования у обучаемых необходимых черт и свойств личности, которые будут характеризовать её как профессионально подготовленного специалиста и социально зрелого гражданина страны.

И для того, чтобы сформулировать феномен: быть «средством» и «способом» реализации практико-ориентированного образования в вузе, рассмотрим имеющиеся в литературе обобщения по данной тематике.

Следует отметить, что в философии языка различаются три основные воззрения о языке, делающие акцент на его семантическое, синтаксическое и прагматическое, с позиций выгоды, содержание:

в контексте «семантического» осмысления языка была сформирована «философия имени», предполагающая оценивать язык с позиций его отношения к бытию и включения его в жизнь и деятельность людей, человечества;

В рамках «философии имени» язык является собой средство бытия человека и его деятельности, всего аспекта проявления его активности, формирования его как деятельностного субъекта.

в контексте «синтаксического» осмысления языка была сформирована «философия предиката», использующая свойства предиката суждения, то есть такого структурного элемента высказывания, в котором раскрываются свойства предмета нашей мысли;

В рамках «философии предиката» язык является собой способ вербализации мыслей человека, развития его сознания и мышления.

в контексте «прагматического» осмысления языка была сформирована «философия эгоцентрических свойств» языка, раскрывающая всю палитру связей между говорящим субъектом и языком.

В рамках «философии эгоцентрических свойств» личности, язык является собой сложное образование и выражение внутренней сущности человека как субъекта практически-преобразовательной деятельности, творческого существа и создателя социоприроды, высшей ступени в развитии всего живого на Земле.

Рассмотрим подробнее выделенные проявления свойств языка в образовательном процессе.

Например, что значит быть языку средством в реализации практико-ориентированного образования в вузе?

Для этого рассмотрим, что же собой представляет такой феномен, как средство.

В настоящее время в научной литературе понятие «средство» трактуется неоднозначно. Часто оно определяется как материальные объекты, язык, понятия, методы деятельности и т.д. То есть всё то, что стоит между субъектом деятельности и предметом деятельности, что обуславливает содержание и характер деятельности. Примером такого понимания средства может служить следующее определение, которое наличествует в словаре, изданном под руководством Б.А. Душкова. По мнению авторов, под средством следует понимать тот или иной акт, который ведет к данной цели, ибо он, по отношению к ней, выступает как средство. [3: 585]

Есть и более узкое употребление понятия «средство» как «орудие деятельности». В таком значении оно употребляется в работах К. Маркса. Он считал, что «средство труда есть вещь или

комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи. Предмет, которым человек овладевает непосредственно, — мы не говорим о собирании готовых жизненных средств, например, плодов, когда средствами труда служат только органы тела рабочего, — есть не предмет труда, а средство труда. Так данное самой природой становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом... естественные размеры последнего» [4: 190].

Значимое, для выявления и природы и сущности языка как средства реализации практико-ориентированного образования в вузе, находим мы в работах Л. С. Выготского. Он понимал под средством определенное «промежуточное звено», используемое в процессе воздействий человека на состояние определенной психической сферы другого человека или самого себя. Л. С. Выготский отмечал, в исследованиях по развитию высших психических функций, следующее: «Примерами психологических орудий и их сложных систем могут служить язык, различные формы нумерации и счисления, мнемотехнические приспособления, алгебраическая символика, произведения искусства, письмо, схемы, диаграммы, карты, чертежи, всевозможные условные знаки и т.д.» [2: 103].

Как видим, многими специалистами средство рассматривается как «искусственное образование», которое «обеспечивает» деятельность субъекта по достижению им сформулированной цели, которая воплощается в зримый результат.

Что касается средств образовательно-воспитательной деятельности и общения, то они могут быть представлены как материальными компонентами, так и «говорящим» бытием субъектов этого процесса. Формально их можно классифицировать по следующим критериям:

- по отношению средств к применяющему их субъекту и полноте охвата его функций;
- по видам предмета опосредствуемых действий и операций;
- по природе объектов, используемых в качестве средств.

Стоит обратить внимание на тот факт, что язык - это знаковая реальность, «говорящее бытие», выступающая компонентом человеческого общения-взаимодействия. С помощью языка мы храним и передаём информацию, управляем поведением человека, осуществляем социализацию представителей рода человеческого, формулируем социальные нормы, выражаем все компоненты культуры и раскрываем перспективы нашего бытия.

Язык, по своей природе, - явление общественное. В нём отражаются и закрепляются черты социальной общности. Он есть творение историческое и общественное. Как различия в условиях и содержании человеческой жизнедеятельности неизбежно находят отражение в языке, так и новые формы и виды человеческой деятельности требуют изменений в языке. Если мы намерены создавать новую структуру и содержание деятельности, мы обязаны для этого создавать или использовать, потенциальные, до этого не осмысленные возможности имеющихся языков и конкретного языка.

На основании рассмотренного можно утверждать, что язык как средство реализации практико-ориентированного образования в вузе – это искусственное «говорящее бытие», которое обеспечивает получение научных знаний, их сохранение и передачу студентам, оптимизирует процесс включения учащихся в общение-взаимодействие с преподавателями и образовательной средой, эффективно воздействует на развитие у них правильного мышления и практического действия, развивает у них черты и свойства как профессионала, так и социально-зрелой личности, но на основе тех его возможностей, которые соответствуют образу и содержанию современной общественной практики.

При этом философский взгляд на язык требует от всех его пользователей обратить внимание на тот факт, что язык - это не только благо, но и опасность.

Дело даже не только и не столько в том, что люди порой обнаруживают неумение пользоваться языком и от этого страдают. Всё дело в том, что для того, чтобы технический и технологический процесс не «привёл» человечество к катастрофе, необходимо выявлять и

использовать такие его потенциальные возможности, которые позволят современной общественной практике направить свои преобразования в русло социального прогресса, а не на пользу «перевернутому» гедонизму.

В этом ключе, по мнению авторов, следует обратить внимание на синтаксический и смысловой компоненты языка. Сегодня мы практически перестали обращать внимание на тот факт, что в образовании происходят «смысловые» диверсии в прочтении тестов, так как молодые люди,

приходящие в вуз, не всегда научены выделять их смысл.

А ведь «власть» слова такова, что неправильно, в соответствии с замыслом, используя те или иные слова, мы формируем не соответствующую реальной будущей практике личность специалиста. Именно поэтому, при реализации в вузе практико-ориентированного образования, необходимо ориентировать потенциал языка на завтрашний социальный прогресс. И начинать надо с опорой на такие его возможности, как синтаксис, семантика.

Что же касается языка как способа реализации практико-ориентированного образования в вузе, то здесь хотелось бы обратить внимание на тот факт, что, как отмечал Х. Гадамер, мышление всегда движется в границах колеи, пролагаемой языком.[1: 173]

Но что следует понимать под таким понятием как способ? В литературе под ним понимается образ или порядок действий. Авторы считают, что способ – это регулятив, вариант конкретного проявления субъектом своих умений, навыков, компетенций, где он концентрирует свои возможности, чтобы в конкретной ситуации достичь поставленной цели.

Так вот, если данное понимание способа соотносить с языком, то рассмотрение его как способа позволяет говорить о том, что он обладает возможностями как адекватно выразить мысль, оптимально донести её до оппонента, сформировать у него правильное мышление - практическое действие, так и способен увести нашу мысль в совершенно нежелательном для нас направлении. Это может произойти даже помимо нашей воли, в силу природы и особенностей избранного варианта языкового общения.

Следовательно, в образовании нам необходимо сделать всё так, чтобы «распредметить» формы и связи мышления с обучением и, одновременно, «соединить» его с реальной профессией и общественной практикой.

Речь идёт о тщательном анализе фактического употребления языка в образовании, с устранением из него недоразумений, возникающих вследствие неправильного его использования. Опираясь, при этом, необходимо на логику высказываний.

Выходит, что язык как способ реализации практико-ориентированного образования в вузе представляет собой вариант распредмечивания форм и связей мышления с обучением и воспитанием, реальное соединение знаков, понятий, семантики и синтаксиса языка с реальной будущей профессией студента, его общественной практикой, предполагающий концентрацию его возможностей, воли и направленности на достижение профессиональной компетентности и обеспечения социального прогресса в стране.

В таком качестве язык должен быть таковым, чтобы студенты понимали, воспринимали смысл, заключённый в тексте, устном высказывании и так далее, могли его квалифицированно интерпретировать и использовать в учебном процессе, на практике.

При этом речь идёт не только о внимательном отношении студента к языку текста, преподавателя к внутреннему миру учащегося, к его культуре, чтобы в образовательном

Михалкин Н.В., Аверюшкин А.Н.
Философский взгляд на язык как средство и способ реализации в вузе практико-ориентированного образования
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 35–42.

Mikhalkin N.V., Averyushkin A.N.
Philosophical view of language as a means and way of implementing practice-oriented education in the university
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 35–42.

процессе им были освоены и включены в практическую деятельность передаваемые ему смыслы, но чтобы студент сам был способен изменять «свои» познания.

В заключение следует отметить, что, в силу рамок работы, здесь были рассмотрены лишь отдельные черты и свойства языка в процессе реализации в вузе практико-ориентированного образования.

Резюмирующим тезисом философского осмысления образования и языка в XXI веке могла бы быть мысль, что фундаментальные проблемы человеческого бытия и образования не могут быть решены без пристального внимания к языку, без учета его статуса и роли во всех сферах жизнедеятельности человеческого сообщества.

Литература

1. Гадамер Х.Г. *Истина и метод. Основы философской герменевтики*. М.: Прогресс, 1988. С.173.
2. Выготский Л. С. *Собрание сочинений: в 6 т. / Гл. ред. А. В. Запорожец*. - М.: Педагогика, 1982-1984. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии / Под.ред. А. Р. Лурии, М. Г. Ярошевского. 1982. С. 103.
3. Душков Б.А., Королев А.В., Смирнов Б.А. *Энциклопедический словарь: Психология труда, управления, инженерная психология и эргономика / Б.А. Душков, А.В. Королев, Б.А. Смирнов*. – «Академический проект, Деловая книга», 2005. С. 585.
4. Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии*. Т.1./ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы. 1960. С. 190.
5. Михалкин Н. В., Аверюшкин А. Н. *Культура, образование и проблемы формирования личности в глобализационно-атомизированном обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2019. № 3. С. 58-59.

Philosophical view of language as a means and way of implementing practice-oriented education in the university

Mikhalkin N.V.,

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Humanities of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russia, mihalkinnv@mgppu.ru

Averyushkin A.N.,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Humanities of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russia, paperitetics@yandex.ru

---

The article examines the relationship between the development of the traits of university students and the personality properties of a specialist, allowing them to actively participate in their professional activities and meet the requirements of the public practice in the country, and the language of texts, oral speech, which acts as a means of development in the taught stated traits and properties of the personality of the specialist. Specifically, the authors, based on a philosophical approach, made an attempt to understand the possibilities of the Russian language as a means and a way to implement in the university a complex process of implementation of practice-oriented education. In the article, the authors implement their idea based on the author's definition of the content of practice-oriented education, which has its distinctive manifestation in the conditions of changing content of public practice and types professional activities.

Keywords: language, medium, method, practice, practice-oriented education.

References

1. Gadamer Kh.G. Istina i metod. Osnovy filosofskoi germeneytiki. M.: Progress, 1988. pp.173.
2. Vygotskii L. S. Sobranie sochinenii: v 6 t. / Gl. red. A. V. Zaporozhets.-M.:Pedagogika,1982-1984.T. 1: Voprosy teorii i istorii psikhologii / Pod.red. A. R. Lurii, M. G. Yaroshevskogo. 1982. pp. 103.
3. Dushkov B.A., Korolev A.V., Smirnov B.A. Entsiklopedicheskii slovar': Psikhologiya truda, upravleniya, inzhenernaya psikhologiya i ergonomika / B.A. Dushkov, A.V. Korolev, B.A. Smirnov. – «Akademicheskii proekt, Delovaya kniga», 2005. pp. 585.
4. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. T.1./ Marks K., Engel's F. Soch. Izd. 2-e. T. 23. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. 1960. pp. 190.
5. Mikhalkin N. V., Averyushkin A. N. Kul'tura, obrazovanie i problemy formirovaniya lichnosti v globalizatsionno-atomizirovannom obshchestve // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*.Seriya: Filosofskie nauki. 2019. № 3. pp. 58-59.

Основные тенденции формирования современной русской политической картины мира

Голикова Т.А.,

доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» МГППУ, Москва, Россия

Статья посвящена исследованию процессов формирования современной русской политической картины мира. Анализируются новейшие заимствования в сфере международной политики и их адаптация в русском языке. Количество контекстов употребления, а также образование словообразовательных гнезд демонстрируют скорость изменения картины мира, ее динамичность, подвижность. Обращение к мировой и советской истории и символике, мировому и славянскому фольклору, национальному характеру - основные стратегии эффективности русской политической картины мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, политическая картина мира, заимствования, концепт.

Для цитаты:

Голикова Т.А. Основные тенденции формирования современной русской политической картины мира [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №3. С. 43-50. doi: 10.17759/langt.2019060305

Forcitation:

Golikova T.A. The main trends in the formation of the modern Russian political picture of the world [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst [Language and Text], 2019, vol. 6, no. 3, pp. 43-50. doi: 10.17759/langt.2019060305 (In Russ., abstr. in Engl.)

Формирование новой отрасли лингвистики – политической лингвистики – обусловлено, с одной стороны, экстралингвистическими факторами, культурологическими, социальными и др., а именно все возрастающей значимостью «политического театра» для рядового конкретного гражданина государства, а с другой стороны, лингвистическими факторами, стремлением выявить языковые закономерности функционирования современного политического дискурса [2;3;4].

На наш взгляд, динамика современной русской языковой картины мира обусловлена главным образом тремя процессами: во-первых, новейшими заимствованиями, как обозначающими совершенно новые фрагменты научных картин мира всего человечества, новые фрагменты обыденной картины мира конкретного народа, так и продолжающими конкретизировать, детализировать уже сформированные картины мира. Во-вторых, все более возрастает число русских граждан, изучающих иностранные языки (не только один и два языка), формируется билингвальная и полилингвальная языковая личность. В-третьих, фиксируется очередное переосмысление традиционных ценностей как неизбежно завершающее переломный исторический период в мифологемах и так называемых концептах-советизмах (субботник) с положительными коннотациями в противовес отрицания всего в 90-е гг. XXI в.

На лингвистическом уровне в первом случае в русский язык входят новые лексемы с уникальным значением, или значение ранее заимствованной лексемы расширяется, появляются одно или несколько новых значений. Во втором случае формируется особая гибридная картина мира индивида, осложненная двойными, дуплетными моделями, грамматическими и концептуальными. В третьем случае актуализируются уже специфические черты национального русского менталитета.

Даже на примере небольшого количества языковых фактов обнаруживаем динамику современной политической картины мира российского гражданина, а также специфику ее формирования.

Причиной появления нескольких связанных политических понятий, теперь уже ставших терминами политических словарей всего мира, послужили результаты референдума 23 июня 2016 года, когда 51,9% проголосовавших поддержали выход Великобритании из Европейского союза.

БРЕКСИТ, а. *Сущ. м.р.*

Варианты написания: Брекзит.

От *англ.* Britain (Британия) + exit (выход).

Полит., жарг. Выход Великобритании из Евросоюза. См. **грексит**, **фрексит**.

Результаты референдума оказались неожиданными и тревожными: 52% британцев высказались за «Брексит», и теперь правительству Великобритании предстоит что-то с этим делать. Брексит может вызвать цепную реакцию среди других членов ЕС. Нехороший сигнал дала Швейцария, которая отозвала заявку на членство в ЕС.

По такой же словообразовательной модели созданы слова: **Грексит** – выход Греции из ЕС. **Фрексит** – выход Франции из ЕС. **Дексит** – выход Дании из ЕС. **Нексит** – выход Нидерландов из ЕС [1].

В русской языковой системе лексема **брексит** активно развивает словообразовательное гнездо: **брекситить**, **брекситный**, **брекситовый**.

БРЕКСИТИТЬ. *Гл.*

1. *Разг.* Голосовать за выход Великобритании из ЕС.

Ну и славно. Избирателям надо меньше брекситить, а больше думать.

Не надо, ребята, нечего вам брекситить и вообще волноваться.

2. *Разг.* Осуществлять выход из ЕС (о Великобритании), **брексит**.

Британия собралась брекситить ЕС, а как проблемы, так сразу за помощью к европейским странам.

БРЕКСИТНЫЙ. *Прил.*

Разг. Относящийся к **брекситу**.

Появлялись статьи, в которых писали, что консерваторы разгромят и уничтожат лейбористов, получат больше 450 мест (из 650) и сформируют некое консервативное супербольшинство, во главе которого встанет Тереза Мэй и поведет страну в пост-брекситный мир.

ТРАМП *Пофлебация Брекситного мира.*

Но, с другой стороны, если отвлечься от французских инициатив бойкого политического дебютанта, то сам Китай сейчас в конкретной политической ситуации на европейском направлении больше всего заинтересован в выяснении отношений с Францией и брекситной Великобританией, поставив отношения с Германией на паузу.

БРЕКСИТОВЫЙ. Прил.

Разг. Относящийся к **брекситу**, то же, что **брекситный**.

Меркель и Макрон собираются возглавить пост-брекситовую Европу. Лондон сейчас погрузнет в решении собственных «брекситовых» проблем и вряд ли будет так же активен на международной арене, как ранее.

*И то верно: сидит на теле нации огромный паразит с сотней голов и сосет все самое лучшее по преysкуранту - слишком большая роскошь для **брекситовой** Британии.*

По аналогичной модели создан термин **грексит**.

ГРЕКСИТ, а. Сущ. м.р.

Англ. Greece (Греция) + exit (выход).

Полит., жарг. Выход Греции из Евросоюза.

*Grexit - запретное слово в Брюсселе. Многие политики в Европарламенте и Еврокомиссии хотят прекратить дебаты о возможном выходе Греции из еврозоны. **Грексит**: единственный шанс спастись? Следующая остановка на пути к расколу ЕС - **Грексит**? После **Грексит** и Брексит наступит*

*очередь **Фрексит** противостоять Европейскому союзу. Он окажется хуже всех. Греческая трагедия, хотя и драматическая, имела ограниченный тираж.*

Далее появляется термин **фрексит**.

ДЕКСИТ, а. Сущ. м.р.

Сокр. от англ. Dexit ← Denmark Дания + exit выход.

Полит., жарг. Выход Дании из Евросоюза.

*Длина того или иного списка зависит от квалификации эксперта, богатства его воображения и степени его ангажированности: «**нексит**» (Нидерланды), «**дексит**» (Дания), «**фрексит**» (Франция), «**грексит**» (Греция). (Коммерсантъ. 30.12.2016).*

ФРЕКСИТ, а. Сущ. м.р.

Англ. France (Франция) + exit (выход).

Полит. Выход Франции из Евросоюза.

*После **Грексит** и Брексит наступит очередь **Фрексит** противостоять Европейскому союзу. Он окажется хуже всех. Греческая трагедия, хотя и драматическая, имела ограниченный тираж.*

*В интервью греческой газете Dimokratia 48-летняя Ле Пен сказала: «**Фрексит** будет частью моей политики».*

*Фаворит президентской гонки во Франции Эммануэль Макрон заявил в интервью Би-би-си, что Евросоюз должен быть реформирован, иначе его ждет «**фрексит**».*

АЛЬТ-РАЙТ, а. Сущ. м.р.

От англ. alt-right альт-правые (альтернативные правые).

1. Полит. Антилиберальное неформальное течение в массовой политике Соединенных Штатов и Западной Европы первой четверти XXI в.

*Движение **альт-райт** стало частью политической жизни страны. Для одних **альт-райт** нацисты, расисты, для других - борцы за спасение национальных ценностей и традиций. Провести границу между **альт-райт** и «Вернем себе нашу страну», «Сделаем Америку великой опять» порой затруднительно. Большинство американских евреев либералы и активно выступают против Трампа и его сторонников. Но есть часть евреев, которые, как и **альт-райт**, видят в экспансии ислама и массовой иммиграции угрозу. «Брейтбарт», медийную платформу **альт-райт**, создал еврей Андре Брейтбарт. Этот сайт регулярно публикует материалы Сионистской организации Америки. (Московский комсомолец.*

22.02.2018).

2. *Полит.* Стронник течения **альт-райт**.

Альт-райты фактически не имеют формальной организации, но демонстрируют при этом эффективную онлайн-тактику.

Альт-райты сделали и этот флаг одним из своих символов и недавно здорово напугали всех американских либералов шествиями, где «флаг Кекистана» частенько мелькал.

АЛЬТ-РАЙТОВЕЦ, а. Сущ. м.р.

Стронник антилиберального неформального течения в массовой политике Соединенных Штатов и Западной Европы первой четверти XXI в.; то же, что альт-райт во 2-м знач.

Ричард Спенсер, самый приметный из **альт-райтовцев**, заявил: «Америка белая страна, созданная для нас и нашего потомства». (Московский комсомолец. 22.02.2018).

Тем смешнее искренние позывы местных **«альт-райтовцев»** в дугинство.

Сходным образом формируется словообразовательное гнездо, фиксируем прилагательное **альт-райтовский**.

АЛЬТ-РАЙТОВСКИЙ. Прил.

Полит. Прил. к **альт-райт**.

Альт-райтовский изоляционизм ставит себе целью укрепление изнутри, новое мировое

могущество (чем тебе *greatagain* не нравится?) как долгосрочная цель тут практически подразумевается.

А если реальные левые начинают напоминать **альт-райтовский** демотиватор, дела плохи.

Как известно, политическая картина мира характеризуется гиперболичностью, т.е. крайними проявлениями преувеличения фактов и событий. Примером может служить лексема «еврогеддон», превратившаяся в новый политический термин.

ЕВРОГЕДДОН, а. Сущ. м.р.

Англ. Eurogeddon ← Europe Европа + Armageddon Армагеддон.

Полит. жарг. Опасный экономический, политический или военный кризис в Европе

Еще одна новинка английских словарей – *eurogeddon* («**еврогеддон**»), слово, обозначающее кризис, поглотивший еврозону. (Коммерсантъ. 14.11.2012).

В исследовании отмечается, что «**Еврогеддон**» может быть не столь сильным, как финансовый кризис 2008-2009 годов, но будет усилен меньшим вниманием к нему со стороны властей.

Продолжение долгового кризиса в странах еврозоны, усиление рецессии и нестабильность банковской системы приведут к «**Еврогеддону**».

В качестве культурологического комментария отметим, что слово «Еврогеддон» стало использоваться в четвертом квартале 2011 года в блогах и финансовой прессе. Под ним экономисты понимают либо крах евро как единой валюты, либо очень сильную рецессию в странах еврозоны, которая повлечет за собой снижение темпов роста экономики в других регионах.

КЛИКТИВИЗМ, а. Сущ. м.р.

Англ. click клик компьютерной мыши + activism активизм.

Полит. Политическая активность граждан в сети Интернет.

«**Кликтивизм**» не сводится только к онлайн-поддержке инициатив, но включает и

другие способы связанной с этим активности. Появление «**кликтивизма**» совпало с развитием социальных медиа и ростом их влияния в мире, чем и воспользовались многочисленные НГО для того, чтобы влиять на общественную ситуацию.

Clicktivism (кликтивизм) — грубое название процесса активности в интернете, требующего от пользователей какого-либо действия, иногда «бездумного» (сбор подписей под петицией, флешмоб, репосты). При этом речь идет только об онлайн-инициативах, т. е. участие пользователей в решении какой-либо проблемы ограничивается лишь «кликом» в поддержку/протест реальных действий.

Это очень объединило женщин. Определенную роль в этом также сыграли соцсети. Так, изначально к протесту отнеслись достаточно легкомысленно. Люди фотографировались в черной одежде и загружали снимки в соцсети, это был своего рода «**кликтивизм**», который, по убеждению многих, ничем не закончился бы.

Словообразовательное гнездо лексемы «**кликтивизм**» образуют производные: **кликтивист, кликтивно, кликтивный**.

КЛИКТИВИСТ, а. Сущ. м.р.

Полит. Странник **кликтивизма**.

Кликтивист — интернет-активист, чья активность заключается в лайках и репостах объявлений о помощи. Кликтивизм неплох: несмотря на отсутствие прямой помощи как таковой, каждый лайк и репост дорог для более широкого распространения инфы.

КЛИКТИВНО. Нареч.

Полит. жарг. Нареч. к **кликтивизм**.

Оно и понятно, ведь баннер рядышком с полосой прокрутки — это **кликтивно**.

КЛИКТИВНЫЙ. Прил.

Полит. жарг. Прил. к **кликтивизм**.

Вот эти вещи, «**кликтивные**» вещи, которые уже не зависят от официальной пропаганды, официального телевидения, официальной власти, они набирают, и будут продолжать набирать силу.

ИСТЕБЛИШМЕНТ, а. Сущ. м.р.

Англ. establishment учреждение, основание; закон.

Полит. Наиболее влиятельная часть какой-л. группы людей, ее верхушка, элита.

Правящие и привилегированные общества и + (дополнительный оттенок значения) подчиненная им система власти и управления. Сто дней Трампа — реформы, которых **истеблишмент** США не допустит.

Меркель, Шульц и все остальные. Германский **истеблишмент** на фоне избирательной кампании.

Вовсе не диссиденты, а вполне вписанные в **истеблишмент** люди.

Значительную часть политической картины мира составляют антропонимы и образованные от них политические термины со значением соответствующего явления (ср. **сталинизм**). Вспомним в связи с этим появившиеся в 90-е годы 20 века термины «**ельцинист**», «**ельцинщина**» (**Истоки собчаковщины** в работе правительства РФ. **Горбачёвщина, ельцинщина, собчаковщина...** что дальше?), «**собчаковщина**», «**горбачевщина**», «**хрущевизм**» (**Хрущевизм** была форма марксизма-ленинизма, которая состояла из теорий и политики Никиты Хрущева и его администрации в Советском Союзе; **Хрущевизм-волюнтаризм**) и под.

Сегодня фиксируем заимствованную лексему «**обамакон**» и созданную уже в русском языке лексему «**обамамания**» по модели: имя собственное + мания (ср. Кроме того, у Хиггинса, как и у нашего бывшего президента Петра Порошенко, очень редкое заболевание

«путиномания», а это не лечится; Путиномания быстро развивалась осенью, когда премьер-министр решительной жестко «мочил» боевиков, не могли укрыться от него даже в сортирах).

ОБАМАКОН, а. Сущ. м.р.

Сокр. от англ. Obamacon ← Обама Барак Хуссейн Обама, 44-й президент США + conservative консервативный.

Полит., жарг. Консервативный избиратель, поддерживающий Демократического кандидата Б. Обаму на президентских выборах 2008 г.

Обамаконов зачастую называют политической силой, которой суждено сыграть решающую роль в нынешней борьбе за Белый дом.

По большей части обамаконами движет не симпатия к Обаме, а недоверие по отношению к Маккейну, Бушу, Чейни и всей Республиканской партии, которая, по их мнению, предала идеалы консерватизма.

Американский политолог и обозреватель Джастин Раймондо ввел новый термин, определяющий разномастных приверженцев Барака Обамы: «Обамаконы» – по аналогии с «неоконами», перебежавшими в эпоху Рейгана из стана демократов в лагерь республиканцев.

ОБАМОМАНИЯ, и. Сущ. ж.р.

Англ. Обама Обама + др.-греч.μανία страсть; безумие.

Полит., жарг. Фанатическая поддержка на выборах Б. Обамы.

Обама победил. Но разумная мысль автора «JungeWelt» не перестала от этого быть менее актуальной. И воплощению ее в жизнь не должна помешать ни повальная обамомания, ни фирменные обамовские обещания перемен.

«Обамомания» охватила также миллионы людей в других странах, а значки с чернокожим президентом на равных конкурируют с «Биттлз» или Че Геварой.

Не только Америка, но и, похоже, весь мир охвачены Обамоманией. В день его победы случилась общеамериканская истерика: люди рыдали от счастья, обнимались и чуть ли не пускались в пляс по всем Соединенным Штатам, празднуя победу своего любимца.

ПИЦЦАГЕЙТ, а. Сущ. м.р.

Англ. Pizzagate.

Полит. Скандал вокруг Пиццерии CometPingPong в 2016 г. в Вашингтоне в период президентских выборов.

Нормальным СМИ просто страшно рассказывать про «Пиццагейт» - скандале, который нанес окружению Хиллари Клинтон огромный имиджевый ущерб и который выглядит как сценарий триллера или фантастического фильма ровно до тех пор, пока не начинаешь анализировать материалы, которые распространяются по американским соцсетям со скоростью лесного пожара.

«Пиццагейт» – теория заговора, согласно которой влиятельные сторонники Хиллари Клинтон связаны с тайной организацией педофилов.

Если в Пиццагейте есть даже мизерная доля правды, этот скандал может обрушить всю клинтоновскую машину и Демократическую партию, и это может означать смерть центральных СМИ.

ХЕЙТ-КРАЙМ, а. Сущ. м.р.

Англ. tohate ненавидеть + crime преступление.

Полит.жарг. Преступление, заключающееся в распространении ненависти в сети Интернет, «преступление ненависти».

*Это непросто определить в политкорректной Европе, где много спорят, скажем, о грани между свободной критикой политиков или общественных деятелей и **хейт-краймом** — «преступлениями ненависти» (понятие включает в себя расизм и антисемитизм). (Огонек. 11.03.2019).*

*Так, в английском Скотленд-Ярде, например, 900 сотрудников занимаются отслеживанием **хейт-крайма** в сетях и на сайтах, а вот инспекторов, расследующих ограбления, катастрофически не хватает при росте насильственных преступлений на 19 процентов в прошлом году... (Огонек. 11.03.2019).*

ЭЙДЖИЗМ, а. Сущ. м.р.

Англ. ageism.

Полит. Дискриминация человека на основании его возраста.

*Эгоизм и **эйджизм** ходят рядом. **Эйджизм** не то, чему нужно учить своих детей.*

ЭЙДЖИСТ, а. Сущ. м.р.

Полит. Сторонник **эйджизма**.

*Если я малявка, то ты **эйджист**. Пока мы молоды, мы все **эйджисты**. **Эйджисты** занимаются естественно тем, что дискриминируют других, например, в возможности работать.*

Отдельного рассмотрения заслуживает факт внутреннего политического воспитания российского электората путем предоставления ему права наименования новейшего российского сверхоружия и открытого голосования за отобранные варианты. В период СССР были официально определены основные модели такого наименования: по аббревиатуре, по названию конкурса, по литературе модификации, по логике серии, по желанию или в честь конструктора, ассоциативно, по ярко выраженному свойству или действию с общей стратегией давать имена положительной, мирной семантики грозному оружию.

Сегодня к официальным моделям наименования добавляются неофициальные модели: любимые персонажи мультфильмов (*ежик, чебурашка*), мифологические и фольклорные имена (*Горгона, Василиск, Серафим, Вий, Кикимора, Аукалка, Лихо Одноглазое, Соловей-Разбойник, Баба-Яга, Анчутка, Водяной, единорог*), советские патриотические мифологемы-концепты (*Буревестник*), наименования с семантикой конца (*эпилог, абзац, Кондратий (наринсулт), вот и всё, спокойной ночи*), для воздушного оружия все виды птиц (*стерх*), для подводного – все виды рыб (*касатка, нарвал, тунец, семга, дельфин*), грубо просторечные выражения (*песец, капец* и под.), политические символы реальности (*санкция, Крым, города-герои, Молот Путина* (по аналогии с сов. «кувалда Сталина»); советские прецедентные имена (*Трус, Балбес и Бывалый, Ихтиандр*) и др. (Российская газета. 22.03.2018).

Как видим, современная политическая картина мира не может быть замкнута, с одной стороны, она формируется фактами международной политической деятельности, а с другой, внутренними установками и предпочтениями русского национального менталитета, который языковыми средствами означает ее важнейшие фрагменты.

Литература

1. Голикова Т.А. Лингвокультурологический словарь заимствований русского языка. – Барнаул: АКППРО, 2019. 210 с.
2. Самаркина И.В. Политическая картина мира: опыт концептуализации и интерпретации // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2013. – №3 (23). С. 117-127.
3. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие / М.: Изд-ва «Флинта», «Наука». 2006. 254 с.

Голикова Т.А.
Основные тенденции формирования современной
русской политической картины мира
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 43–50.

Golikova T.A.
The main trends in the formation of the modern Russian
political picture of the world
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 43–50.

4. Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Новый хронограф, 2008. 551 с.

The main trends in the formation of the modern Russian political picture of the world

Golikova T.A,

Doctor of Philology, Professor, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow

---

The article is devoted to the study of the processes of formation of the modern Russian political picture of the world. The latest borrowings in the field of international politics and their adaptation in Russian are analyzed. The number of contexts of use, as well as the formation of word-formative nests demonstrate the speed of change in the picture of the world, its dynamism, mobility. Appeal to the world and Soviet history and symbolism, world and Slavic folklore, national character-the main strategy of the effectiveness of the Russian political picture of the world.

Keywords: language picture of the world, political picture of the world, borrowings, concept.

References

1. Golikova T.A. Linguocultural dictionary of borrowings of the Russian language. - Barnaul: АКIPKPO, 2019.210 p.
2. Samarkina I.V. The political picture of the world: the experience of conceptualization and interpretation // Tomsk State University Journal. Tom.gos. un-that. Philosophy. Sociology. Political science. - 2013. - No. 3 (23).pp. 117-127.
3. Chudinov A.P. Political Linguistics: Textbook / M.: Flint Publishing House, Science. 2006. 254p.
4. The political socialization of Russian citizens during the transformation / Ed. E.B. Shestopal. - M.: New Chronograph, 2008. 551 p.

Основные виды семантических отношений внутри лексико-семантических группировок

Корнев В.А.,

кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры русского языка, ВГМУ, Воронеж, Россия, vkornev48@yandex.ru

Дедова О.М.,

кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка, ВГМУ, Воронеж, Россия, omdedova@vsmaburdenko.ru

В статье рассматриваются основные виды структурных семантических отношений внутри лексико-семантических группировок: парадигматические и синтагматические. Реализация семантических свойств слова в лексической сочетаемости дает возможность исследовать семантику слов лингвистическими методами на основании тех данных, которые содержатся в речи (тексте), где употребляются интересующие исследователя слова.

Ключевые слова: семантика, лексико-семантические группы, парадигматика, синтагматика, лексическая сочетаемость.

Для цитаты:

Корнев В.А., Дедова О.М. Основные виды семантических отношений внутри лексико-семантических группировок [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №3. С. 51-55. doi: 10.17759/langt.2019060306

Forcitation:

Kornev V.A., Dedova O.M. The main types of semantic relations within the lexical-semantic groups [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst [Language and Text], 2019, vol. 6, no. 3, pp. 51-55. doi: 10.17759/langt.2019060306 (In Russ., abstr. in Engl.)

Слову как основной единице лексико-семантической системы присущи два типа структурных отношений – парадигматические и синтагматические. Парадигматические отношения возникают между словами, принадлежащими к одной части речи и имеющими некоторую общность в значении, и основываются на противопоставлении слов друг другу. Семантический результат противопоставления отдельных слов по их лексическому содержанию находит свое отражение в выделении семантически общих или отличительных признаков, на основе которых в языке группируются семантические категории (классы) лексем, лексико-семантические группы слов [4]. Под лексической синтагматикой имеется в виду лексическая сочетаемость слов в линейном ряду при их функционировании. Синтагматические лексические связи реализуются в минимальном сочетании двух слов. На основе этих двух видов отношений у каждого слова можно выделить парадигматический и синтагматический аспект значения. Парадигматический аспект определяется общим значением той группы слов, с которой данное слово имеет семантические связи. Синтагматический аспект значения обусловлен способностью лексем сочетаться друг с другом в предложении. Одним из универсальных парадигматических отношений между

словами являются отношения включения, «которые, с одной стороны, отражают различные по степени обобщенности названия реалий и их классов в языке», то есть родо-видовые отношения, «а с другой, названия объектов и их частей». Такого вида отношения являются семантическими содержанием сводится к тому, что слова, обозначающие вид и часть, являются подчиненными тем словам, которые соответственно обозначают род и целое. Общим у отношений «род – вид», «целое – часть» является то, что они характеризуются одинаковым свойством подчинения вида роду, части целому. Однако между природой отношений род – вид, часть – целое существуют различия, которые заключаются в том, что родо-видовые отношения связаны по степени абстрактности представлениями одной и той же реалии или классов реалий в языке, тогда как отношения часть – целое присущи только конкретным предметам, которые являются к тому же качественно разными, не сводимыми друг к другу» [5]. Такое отношение включения называется гипер-гипонимическим отношением, в котором слова, соответствующие видовым понятиям или части, выступают как гипонимы по отношению к слову, соотносящемуся с родовым понятием или целым – гиперониму и как согипонимы по отношению друг к другу. Слово с родовым понятием, более общим значением, полностью включает в себя слово видового, менее обобщенного значения. При этом образуется гипонимическая структура, которая определяется как совокупность иерархически организованных значений слов, находящихся в родо-видовой зависимости и отражающих определенные фрагменты реальной действительности. Гипероним и соподчиненные ему гипонимы, объединенные по определенному семантическому признаку, образуют минимальную единицу гипер-гипонимической структуры.

Другим видом семантических отношений внутри лексико-семантической группировки является лексическая синонимия. Синонимия всегда представляла интерес для языкознания, поэтому существуют различные определения синонимов и критерии синонимичности. Наиболее полные и достаточные критерии выделяет С.Г. Бережан: «...Близость и/или тождество значения, единство понятия и взаимозаменяемость» [2]. Синонимы – это не в целом совпадающие по смыслу слова, а единицы, обладающие только идентичными семантическими вариантами. Синонимами являются не слова в целом, а отдельные семантические варианты слов, то есть составные элементы их смысловой структуры [2]. Для синонимии важны наряду с общностью номинации такие формы представления данных реалий в конкретном языке, в которых осуществляется дифференциация качества обозначаемой реалии разными лексическими средствами языка. Синонимия – это явление языковой номинации, которое начинается с полного тождества семантики слов, представляющих одну и ту же реалию (свойство, признак) и постепенно переходит через различные степени организации семантического сходства к выражению степени различия в лексических значениях [1].

Исследование синонимических отношений обычно начинают с минимальной пары противопоставленных в парадигматике слов, и выделив признаки, по которым они противопоставляются, выделяют и тот, по которому они отождествляются. Лексические единицы, находящиеся в синонимических отношениях, образуют синонимические ряды. При изучении лексико-семантических группировок, содержащих несколько синонимических рядов, можно проследить, как более широкий член оппозиции в данной синонимической паре включается в синонимическую пару вышестоящего уровня, содержащую более узкий член оппозиции. Это придает ступенчатый характер всему синонимическому ряду, делает его принципиально открытой, непрерывной лексико-семантической микросистемой [4].

Важным моментом при анализе синонимичных слов является выделение среди них доминанты, то есть слова, возглавляющего синонимический ряд. При исследовании синонимии посредством анализа лексической сочетаемости таким словом-доминантой

может служить тот синоним, сочетательные свойства которого наиболее тесно связаны с сочетательными свойствами всей синонимической группы в целом и семантические свойства которого наиболее просты [2]. Значение доминанты на правах переменного компонента входит в значения остальных членов ряда, семантически наиболее простое, стилистически нейтральное, синтаксически наиболее свободное и наиболее употребляемое.

С точки зрения семантического сходства синонимия представляет собой неоднородное явление. В тех случаях, когда значение одного слова совпадает со значением другого или они предельно близки, можно говорить о «сильных синонимах». Когда между синонимичными словами наблюдается более заметное расхождение в их значениях, можно говорить о слабых синонимах.

При анализе отношений гипонимии и синонимии можно отметить, что, в отличие от синонимии, гипонимия определяется в терминах односторонней замены. В тексте возможна эквивалентная замена гипонима на гипероним как подведение вида под род, обратное же не всегда возможно.

Тесно примыкают к синонимическим отношениям квазисинонимические отношения, которые предполагают, что значения лексических единиц полностью не совпадают, но имеют общую часть на уровне семантического варианта и обладают еще некоторой надбавкой в виде одной или более особых («лишних») сем [1].

Еще одним широко распространенным типом семантической противопоставленности лексем в парадигматике является антонимия. Антонимами могут быть признаны слова, «которые противопоставлены по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причем находятся на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы» [1]. При установлении антонимичности слов лексико-семантические группировки обычно определяют оппозиции слов, значения которых наиболее точно связаны отношениями противоположности. Одному слову могут быть противопоставлены не только два, но и больше антонимичных ему слов.

Область действия антонимичных связей ограничена в основном словами, называющими разные типы оценок, качеств, состояния, изменение качеств и состояний, а также словами, называющими разные типы отношений и их изменение. Классическими антонимами являются такие пары противопоставленных друг другу слов, которые обозначают разные, диаметрально противоположные степени одного и того же свойства и возникают и существуют благодаря строгой логической оппозиции одного другому.

При анализе синонимии и антонимии выделяются как схожие черты, так и различия. С лингвистической точки зрения антонимы сближаются с синонимами тем, что относятся к одной части речи и обладают схожей лексической сочетаемостью. На экстралингвистическом уровне сходство проявляется в том, что и антонимы, и синонимы соотносятся с одними и теми же свойствами и качествами, градуируя их в том или ином аспекте. Определяя различия между синонимией и антонимией, следует сказать о стилистической маркированности. Антонимы, являясь членами антонимического ряда, имеют одинаковую стилистическую окраску, в то время как синонимам не противопоставлено объединение в одном ряду слов разных стилистических пластов. Антонимы имеют одинаковую лексическую сочетаемость, а синонимы могут обладать разной лексической сочетаемостью в силу значительной роли дифференциальных признаков [3].

Различия между синонимией и антонимией могут касаться также структурной организации лексико-семантических группировок. При синонимических отношениях лексических единиц противопоставление идет по одному или нескольким семантическим признакам, а при антонимических – по всему смысловому объекту [4].

Слова, представляя собой важнейшие самостоятельные единицы языка, взаимодействуют друг с другом не только в спектре парадигматических отношений, но и синтагматических, образуя в результате этого коммуникативный акт, высказывание. Можно выделить два вида синтагматических связей слов в высказывании: сочетаемостные связи, которые наблюдаются у слов, объединенных прямой грамматической связью, и связи линейные, фиксируемые между словами, которые встречаются вместе в том или ином отрезке речи. Эти связи целиком зависят от значений слов, поэтому синтагматические связи следует рассматривать как разновидность семантических отношений между словами. Способность слов сочетаться друг с другом определяется как грамматическими, так и семантическими свойствами этих слов, поэтому сочетаемость слов может рассматриваться с грамматической (синтаксической) и лексической точек зрения. Синтаксическая сочетаемость определяется принадлежностью слов к тем или иным грамматическим разрядам и зависит от грамматических потенциалов слов, лексическая сочетаемость связана с индивидуальными значениями слов. В лексической сочетаемости реализуются разнообразные семантические свойства слов. Отсюда вполне уместно предположить, что «чем шире сочетаемость слова с другими, тем больше семантических свойств обнаруживается при его функционировании в речи» [4]. Семантический характер отношений выделяется при образовании семантических полей с учетом типичного признака (действия), выражаемого прилагательным или глаголом, и предмета, обладающего этим признаком (действием). Хотя внешняя форма словосочетания остается неизменной при заполнении ее разными словами, его внутреннее свойство целиком определяется значением слов, заполняющих модель данного словосочетания. Слова сочетаются между собой благодаря наличию у всех значений общего компонента. Потенциально каждое слово обладает открытым числом этих семантических компонентов, чем и определяется неконечный характер сочетаний, образуемых тем или иным словом [5].

Реализация семантических свойств слова в лексической сочетаемости дает возможность исследовать семантику слов лингвистическими методами на основании тех данных, которые содержатся в речи (тексте), где употребляются интересующие исследователя слова.

Литература

1. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974.
2. *Бережан С.Г.* Семантическая эквивалентность лексических единиц. – Кишинев: Изд-во «Штиинца», 1973.
3. *Иванова В.А.* Антонимия в системе языка. – Кишинев :Штиинца, 1982.
4. *Уфимцева А.А.* Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1968.
5. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977.

The main types of semantic relations within the lexical-semantic groups

Kornev V.A.,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer, Russian Language Department, Voronezh State Medical University, Voronezh, Russia, vkornev48@yandex.ru

Dedova O.M.,

Candidate of Philological Sciences, Head. Department of the Russian Language, Voronezh State Medical University, Voronezh, Russia, omdedova@vsmaburdenko.ru

---

The article discusses the principal structural semantic relations within the lexical-semantic groups: paradigmatic and syntagmatic. The implementation of the semantic properties of words lexical compatibility gives the opportunity to explore the semantics of words of linguistic methods based on the data contained in the speech (the text), are used where the researcher is interested in words.

Keywords: semantics, lexical-semantic group, paradigmatica, syntagmatic, collocations.

References

1. Apresyan Yu.D. Lexical semantics. Synonymous means of language. - M.: Nauka, 1974.
2. Berezhan S.G. Semantic equivalence of lexical units. - Chisinau: Publishing House "Stiinz", 1973.
3. Ivanova V.A. Antonymy in the language system. - Chisinau: Stiince, 1982.
4. Ufimtseva A.A. Word in the lexical-semantic system of language. - M.: Nauka, 1968.
5. Shmelev D.N. Modern Russian language. Vocabulary. - M.: Education, 1977.

Prometheus or Amirani. An updated study on the Pre-Greek substrate and its origins

Giampaolo Tardivo,
Italy

Philippos Kitselis,
Italy

In the late 80s and early 90s, Colin Renfrew presented his Anatolian hypothesis. According to him, the agrarian revolution begun in Anatolia, and from there, it spread out in Europe. He supposed that these farmers were carriers of the Proto-Indo-European language, but his theory had weak support from Indo-European linguists. Some questions then arise: What language(s) was introduced in the Aegean islands and mainland Greece by these early farmers? Can we figure out the affiliations of the Minoan language? A different agrarian hypothesis will be shown in these pages, unrelated to the Indo-European and Semitic language families. It instead is featuring a new language family that encompasses the Aegean, Anatolia, Caucasus and the Near East.

Key words: learning, behavior, motivation, conditioned response, trial and error, insight.

Для цитаты:

Джампаоло Тардиво, Филиппос Китселис Прометей или Амирани. Обновленное исследование о до-греческом субстрате и его происхождении [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №3. С. 56-69. doi: 10.17759/langt.2019060307

Forcitation:

Giampaolo Tardivo, Philippos Kitselis Prometheus or Amirani. An updated study on the Pre-Greek substrate and its origins[Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst [Language and Text], 2019, vol. 6, no. 3, pp. 56-59. doi: 10.17759/langt.2019060307 (In Engl., abstr. in Russ.)

The Aegean and Anatolia from an anthropological point of view

Nine thousand (9,000) years ago farming spread to Europe through Greece and the Balkans. Today there is clear genetic evidence that those farmers arrived to Greece from Anatolia, nowadays Turkey, and the Levant through the sea (Paschou et al 2014; Fernández et al 2014; Hofmanová et al 2016). At that time Greece had a small⁶, scattered Mesolithic population found only in the coastal zone of the south and west (Van Andel and Runnels 1995). The demographic impact of an agrarian population arriving at Greece was considerable. Those farmers were not just waves of migrating men, but whole families (Goldberg et al. 2017) that could continue to breed and speak their mother tongue in the new lands. Yet language is very dynamic and does not necessarily depend on numbers. Newcomers carried out more advanced technology and a new way of life. The indigenous hunter gatherer societies were not the only ones to define the shape of things to come anymore⁷.

⁶ According to Colledge et al (2004), in the Late Pleistocene and Early Holocene Anatolia, hunter-gatherers were too, largely absent or present in only small numbers.

⁷ It should be noted that the relationship between hunter-gatherers and farming communities on the mainland is controversial (see Halstead 1996, Tringham 2000) therefore it will not be analysed here.

This was the beginning of a long and complex process of colonization of new territories, together with the displacement, acculturation, and/or assimilation of indigenous Mesolithic hunter gatherers (Colledge et al 2004). However, genes and languages are not always correlated (Campbell 2015). There is a very long timespan between the migration of Anatolian farmers to Greece and the earliest attested languages of Anatolia. We have no clue what happened during those ~5000 years of unattested documentation and we have no sample of an indigenous pre-Indo-European western Anatolian language yet. Nevertheless, there are good reasons to seek an answer for the linguistic prehistory of Greece on the other side of the Aegean.

The Aegean and Anatolia from an archaeological point of view

In this occasion, archaeology and genetics come to the same conclusion. Colledge et al (2004) made a study on the archaeobotanical remains recovered from 40 aceramic Neolithic sites in the Near East and south-east Europe. They noted a similarity between the southern Levantine, Cypriot, and Aegean sites. They concluded that there is a possibility of two dispersal routes: The first route was the maritime-based colonization of Cyprus, central Anatolia, Crete, and mainland Greece from a Levantine core region; the second route was a land route from central/western Anatolia, reaching Thrace and south-east Europe. Pinhasi et al (2004, 2005) provides both archaeological and anthropological evidence for the dispersal of farmers to Greece. Apart from coming to the same conclusions as above, their following observation took our attention:

Pinhasi and Pluciennik, in their analysis of craniometric affinities between populations, point to the homogeneity between Çatalhöyük and early Neolithic Greek and south-eastern European groups. This homogeneity contrasts with the pronounced heterogeneity found among other Pre-Pottery Neolithic groups in the Near East. On the basis of these results, they hypothesize that a founder population from central Anatolia (represented by specimens from Çatal höyük) spread into south-east and central Europe.

One cannot ignore the similarities between central Anatolia and Crete. Mellaart (1962) and Dietrich (1967) were among the first to compare the material from Çatal höyük with what we know of Cretan religion and practices. Renfrew (1998) regards the presence of bread-wheat (*Triticum aestivum*) in stratum X at Knossos of crucial relevance, since this is absent from other early Neolithic sites but present in early levels at Çatal höyük and Can Hasan III in central Anatolia. Çilingiroğlu and Çakırlar (2013) conclude:

Strong interactions with extra-local communities, such as via obsidian exchange, resulted in the cultural relatedness of these societies with those of the contemporary Aegean and Inner-West Anatolia. The similarity of the settlement patterns, subsistence, architectural techniques and material culture in this entire region is a clear manifestation of the close interactions among early farmer-herders. Land routes, river valleys and maritime routes across Anatolia, Aegean and Eastern Mediterranean were heavily used by prehistoric communities. The long-term circulation of Melian obsidian, the colonisation of the islands of Crete, Gökçeada (Imbros), Cyprus and the simultaneous appearance of impressed pottery around 6100–6000 calBC are clear signs of the continuous and intensive use of maritime routes across the Eastern Mediterranean and the Aegean. Considering the current state of the archaeological record, Aegean Turkey as a geographical unit is encircled by a dual interaction zone comprising the inner Anatolian and west Aegean cultural spheres. As such, Aegean Turkey also played a key role in the mutual exchange of cultural features between inner Anatolia and Greece.

There's so much to say about the archaeological data, that it could monopolize this paper which intended to focus on linguistics. A point has been made and it gives good indications; now it's time to deal with the data we have on language and see if that points us to the same direction.

Джампаоло Тардиво, Филиппос Китселис
Прометей или Амирани. Обновленное исследование
о до-греческом субстрате и его происхождении
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 56–69.

Giampaolo Tardivo, Philippos Kitselis
Prometheus or Amirani. An updated study on the Pre-
Greek substrate and its origins
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 56–69.

(Pre-)Greek and its legacy

It is well-known what emerged from Ventris and Chadwick Linear B decipherment, and it is not the case here to repeat once more their results. An early form of (pre-classical) Greek was identified. After this result, some tablets with similar symbols (Linear A) are still waiting for their decipherment. Despite several attempts to crack down the Linear A mystery, no one reached a general consensus.

The island of Crete bears the name of «cradle of Europe», and no doubt, there are good reasons to say so. Marvellous buildings, beautiful frescoes, advanced technology and many more items put the Cretan civilization of the bronze age period, in the podium. A clear demarcation needs to be done about Crete – and Greece in general – and all its written record. During excavations on the island and continental Greece, tablets with animal, plants and tools pictures were found, the so-called Cretan hieroglyphics; some others are, with more stylized images, of syllabic reading, alias Linear A. On top of that, very few abrupt inscriptions in the Greek alphabet (*scriptio continua*) are also found (Praisos, Dreros, etc); and they are known as the Eteocretan inscriptions. All this material, in the best-case scenario, belongs to the early settlers of Crete. It is conceivable that, early settlers and newcomers were in symbiosis for centuries, and then, assimilation occurred. A question may arise: did they disappear without trace over the time? Let see what is happening after very long time of doom and darkness within Greek language.

Greek language is classified – no doubt – as part of the Indo-European family. However, part of its lexicon and morphology shows a degree of individuality, uncommon to it. Some academics analysed the Greek language from phonological ground, and then came to the conclusion of a substrate, simply because there are words that violate those rules. Due to its geographical position, the Aegean sea is very favourable to trade and commerce with the Near Eastern and North African coast line; that means a cross-linguistic interchange begun very early in history. The Near East got populated by Afro-Asiatic (or Semitic-Hamitic) people and it is now clear that some Semitic words – time to time – entered the Greek language (loanwords); in this way, two elements (Indo-European and Afro-Asiatic) are easily identified.

Pre-Greek: Indo-European or non-Indo-European?

Aside those identifiable loanwords, Greek has a fair amount of vocabulary belonging to a language (or languages) spoken in the Helladic area before Greek. Paul Kretschmer (1896) was an excellent pioneer in this field, who spotted a striking similarity between Greek and Anatolian place names. After the decipherment of Hittite and Linear B, Indo-European hypotheses were becoming rampant among linguists; remarkably Georgiev (1966) and Palmer (1958). Unfortunately, such an experiment never achieved its goal. The Pelasgian myth had done so much harm and was no longer taken into consideration. Hester (1964) gave, a well-deserved, final blow to the “Pelasgian” school of thought. At the same period, several attempts with Afro-Asiatic languages (Gordon 1957; 1966) gave no better results.

It was time for a new beginning in the field of pre-Greek studies. Furnée (1972) made an effort to recollect all Greek lexical items and so did R. A. Brown (1985), who wrote an interesting book on the subject. The material was later reassessed by Beekes who released several volumes (2003; 2007; 2014) with an extensive analysis. He convincingly demonstrated that the substrate we're dealing with is not Indo-European. Even Renfrew (1998: 241) acknowledged that⁸:

The Greek language is unusual among the languages of Europe in the high proportion of its vocabulary which includes words which are not only not Greek words, but apparently not part of an Indo-European vocabulary either.

---

⁸ It should be noted that Renfrew considers those pre-Greek words to be loans from Minoan, not an earlier language spoken in the mainland.

But what about the “Luwian stratum” in the Greek place names? The pre-Greek place names might have Luwian equivalents, but the Indo-European origin of those names is questionable. It is more likely that they belong to a non-Indo-European stratum that was common in Greece and Anatolia. For instance, the mountain name Πάρνασσός has a Luwian equivalent Parnassa, which is believed to be derived from the Luwian root parna ‘house’, a word that lacks secure cognates outside Anatolia. Comparable material is found nearby in the Mediterranean region like the Egyptian pr “house” and Hurrian pur(u)li “house”. Yakubovič (2008: 12) has given the most convincing answer to the Luwian substrate hypothesis:

In order to argue that this layer of toponyms has a Luvian or Anatolian origin, one has to demonstrate a preponderance of Luvian or Anatolian morphemes within this layer. The consonantism of the Greek -(ι)νθο suffix appears to be more archaic than that of its Anatolian counterpart -(a)nda, since /th/ could be easily reinterpreted as /t/~d/ in the Anatolian languages that lacked phonological aspiration, whereas the opposite change in Greek would be unmotivated. The presence of the (voiceless) aspirate series in the Pre-Greek substrate is independently confirmed through the devoicing of the etymological voiced aspirates in Greek.

With regard to the Greek suffix -(α)σσο-, deHoz (2004:46-47) reminds us of the existence of its allophone -(η)ττο- in Attica (for examples, see already Kretschmer 1896: 405). The dialectal variation between -σσο- and -ττο- in the inherited stratum of the Greek lexicon normally points to the etymological clusters *-kj- or *-tj-, which later developed into the affricate /ts/ or something similar. Neither the substrate suffix *-ntho- nor the substrate suffix *-tso- would have convincing comparanda in the Indo-Hittite language family.

Chadwick (1969:89) expressed his Luwian scepticism on the same grounds. Beekes (2014:3) issues a caution regarding the labelling of certain non-Greek words in Greek as Luwian. An example is Greek τολύπη “clew, ball of wool for spinning” and the clearly related Luwian/Hittite taluppa/i “lump, clod”. Both the Greek and Anatolian words lack Indo-European etymology and should be seen as non-Indo-European words that entered the Greek and Luwian/Hittite vocabulary. Furthermore, the number of confirmed Luwian loanwords in Greek is close to zero and the lexical material typically identified as pre-Greek reminds us nothing of an Indo-European language. There is of course a small number of probable Indo-European loanwords in Greek⁹, borrowed most probably from neighbouring languages and not from a substrate or superstrate (Hester 1964: 384). Attempts to identify concrete Indo-European pre-Greek languages appear doomed to failure¹⁰.

The linguistic landscape of the Aegean, Anatolia and Caucasus through time

The situation in the neighbouring areas, such as Anatolia and the Near East, was no less complicated. Even there, some languages were classified as non-Indo-European and non-Afro-Asiatic; a third phylum of languages must be considered.

Let's start with central Anatolian region and the lands west of it. All languages spoken there, such as Luwian, Hittite, Carian, Lycian, Palaic and Lydian, were all of Indo-European origin, except one: Hattic¹¹. Not much is known about this language, it is poorly attested with no secure translations. It is certain that Hattic partially influenced the Hittite language, especially in the religious field. Palaic, another poorly attested Indo-European language on the north, shows traces of Hattic or related substrate. In the eastern areas (including Hatay, Adana, Tarsus and Mersin), two languages were of the third phylum: Hurrian and Urartian. Even those languages are not fully

⁹ Those are a minority, unrelated to what we typically call pre-Greek.

¹⁰ Those are often based on imprecise sound laws or false etymologies.

¹¹ Also, the possibly related Kaskian language.

understood. The picture, as a whole, cannot exclude the island of Cyprus with the Enkomi inscriptions¹².

To stitch altogether at this point, a lot of obstacles are on our path. Two ways are possible: Was there a single linguistic family spread out over the time, or were there different groups of different origins? To conclude this chapter, some scholars put the origins of the Ægean civilization further north, to the Balkan Mountains; unfortunately, with no results. In the last decade, an Anatolian origin of the Minoan civilization is considered to be more likely. Their common heritage is largely considered and in spite of the lack of linguistic material to work it out, recent excavations in the Anatolia plateau reveals the existence of urban life (~10.000 years old) and a social structure of a highly developed civilization. Based on artefacts and material culture, Anatolia is supposed to be very fertile back in the Neolithic age, further, for some reason, such as overpopulation or natural environmental changes, people moved on to more secure areas. Anatolia is an important place, it stretches from the Iranian mountains to the sea of Marmara, and from the Caucasus mountain to the fertile crescent, between the Black sea and the Mediterranean Sea. It is conceivable that, back in the remote past, a more homogeneous population settled in Anatolia, and then, spread by migrating.

In somehow, it is possible to imagine a survival in the most inaccessible area, such as Caucasus mountain. It is well known that the Caucasus mountain was during millennia, a natural refuge for people. That explains why several linguistic families are found on both sides of the mountain chain. Those 'families' are unrelated each other, furthermore, we need to distinguish between Caucasian languages and languages of the Caucasus. Among indigenous Caucasian languages, 2 or 3 families are recognized:

1. Kartvelian, consisting of only 4 languages: Georgian, Mingrelian and Laz-Svan. This language family is unrelated to any other family worldwide.
2. North-West or Western Caucasian; divided in 2 main branches, Adyghe and Abkhaz-Abaza.
3. Nakh-Daghestanian or North-Eastern, split up in VeiNakh (Chechen-Ingush), Avar-Andi, Tsezi, Lak-Dargwa and Lezghian groups.

Some Caucasologists disagree with this assumption, then, the North-West and North-East should be grouped together, some others would explain their common lexicon as loanwords or areal diffusion.

In contrast to Caucasian languages, the "languages of Caucasus" may refer to the languages spoken by people who settled in the area from time to time, but they are not indigenous; they belong to various language families such as:

1. Indo-European (Russian, Armenian, Ossetian, Pontic Greek).
2. Altaic (Azeri Turk, Nogai).
3. Mongolian (Kalmyk).
4. Afro-Asiatic (Assyrian Neo-Aramaic).

Such a complexity is due to historical reasons. Mountains always offer – despite the difficult environment – a secure protection from new waves of populations. This picture might explain its colourful variety. To resume all contents, from geographical position, Anatolia appears to be in the middle, close to Ægean sea and Caucasus mountain, making it a good point of dispersal.

The Pre-Greek lexicon

There are more than one Greek etymological dictionaries, notably Chantraine, Frisk and the last one is Beekes "Etymological dictionary of Greek". Beekes dictionary is more complete,

---

¹² Petit (1995; 1997) suspects a Hurrian language or similar being spoken in pre-Greek Cyprus.

because it includes Hesychios (and other authors) glosses. Part of the dictionary is devoted to Pre-Greek words but only in synchronic manner. In Beekes' pages, comparison is ignored on purpose, because as he says:

[The comparison] with Basque or Caucasian languages has not been considered as this is not my competence; I think it possible that there are such connections, but that must be left to others.

Even L. R. Palmer (1963) in his analyses of the Mycenaean texts wrote:

The existence in the syllabary of a system of opposition plain:palatalized:labialized to the neglect of the opposition voiceless:voiced:aspirate, which are essential to Greek, strongly suggests that the ancestral form of the syllabary was created for a non-Indo-European language. Such phonemic systems are found inter alia among Caucasian languages.

After that, no major reference to Caucasian languages comparison has been made. Some Pre-Greek words are actually of Afro-Asiatic origin (loans), and their use it goes back to 'Minoan time'. According to Beekes, Pre-Greek words shows variation in spelling, then, two options are possible:

1. Time and/or geographical reason.
2. A writing system unaware of the real pronunciation.

The second option is more credible. The creation of writing system is strictly connected with a specific language, any other language has to 'adapt' graphic symbols to the nearest sound in the system. A typical case is the Arabic graphic system for Persian, where some changes have been applied. Unfortunately, the Greek alphabet not only dropped three symbols: Ϻ (sampi), Ϙ (qoppa) ϙ (digamma); further, any other symbol was never added to. In this way, correct reading becomes difficult. Needless to say, Beekes' synchronic analyses are available online; and it is not the case here to copy and paste few pages on the subject.

The Pre-Greek affiliations

Pre-Greek language is linked – in somehow – with more Eastern languages, some of them still spoken in Northern Caucasus. This kind of research initiated by Tardivo is ex-novo, there are no previous major studies, except a shallow attempt to compare Georgian with Greek, a complete failure in the matter. All North Caucasian languages lack of written sources, at least, from the ancient times. Only Caucasian Albanian has left some words from the medieval era, but there are no attestations earlier than 18th century CE. It might sound very unusual to see a connection between the Aegean sea and Caucasus mountain, but many Pre-Greek words have an exact counterpart in North Caucasian languages; even their phonological features are working in the same way. Furthermore, it is possible to trace the same word in Hattic and/or Hurro-Urartian languages. Previous attempts to connect Hattic with Western Caucasian languages were deeply criticized outside Russia and the same happened for the comparison between Hurro-Urartian and Nakh-Daghestanian languages. At the end, a deal with Greek substrata never took place. There are two options in the field, in the worst scenario, those words could be interpreted as loanwords; a survival over time. Some Pre-Greek, Hurro-Urartian and/or Hattic words are still in use within Greek¹³. It is well known that, substrata elements cover up different parts of the lexicon, from trees to place names, from theonyms to everyday life.

This search is working on both ways, there are common roots – or they are supposed to be – among all those languages. A relevant point is the written system for Hattic, Hurrian and Urartian; mainly cuneiform, and in some cases, the Phoenician alphabet that was in use for Hurrian. Some words show very long history, like δέω 'make wet', which is seen also in Hattic with *tepuṇe*, *tewuṇe* (*tewuunif*) 'Opfer [?], Trankopfer / drinking offering', and then in Hurrian *teb-/ tew-* 'to

---

¹³ γέφυρα, ξίφος, τιτάν, πελώριος to name a few.

pour, to cast'. It is possible that a common root in **tew(u)-*, with basic concept of 'to pour liquid, make wet'. Furthermore, the same word is found in Akhwakh with *=et'w-* 'to drip, to flow', in Bezhta with *=ot'* 'to spill, to flow', and in Tindi with *t'ot'* 'to drip'. Almost all Daghestanian languages (except three) have class-marker, that is why *=...* appear in adjectives, verbs, etc. Nevertheless, it is clear that there is no opposition between voiced - voiceless, this aspect is manifest in Pre-Greek too, like in *κόρουθος ~ κόρουδος*, as well as with Nakh-Daghestanian languages:

Avar: *d, n, t'* Lezgian: *d, t* Archi: *d, n* Tabasaran: *d* Chechen: *d, Ø*
Andi, Tsez and Dargwa: *n* Lak: *n, t'*

A clear sample is 'winter':

Lezghian: *q'urd*
Agul and Tabasaran: *q'urd*
Archi: *q'ót:aq?*

All authors (Palmer, Brown, Beekes) agree on this aspect for Pre-Greek, then, if extended to the group as a whole, the result is unchanged.

Another very common case is α -. According to Beekes:

The definition is 'initial vowel that is present or absent in (nearly) identical forms'; we cannot say whether the vowel disappeared or was added under certain circumstances; still another possibility is that it represents a kind of laryngeal sound, that was sometimes heard as a vowel and sometimes not. The vowel is in most cases α '.

It is the case of *ἀκακροί ~ κόρροψ* 'locust' within Pre-Greek. Once again, the same Rule is α - observed in diachronic system. A sample of that is: *ἄχυρον* 'chaff', Hurrian *ḫarw-/ ḫarb-* 'chaff' *ἀπέλλαι* 'assembly', Urartian *ṷeli* 'people, crowd' *ἀγάλλω* 'to exult in', Hurrian *ḫela* 'glory, glorify'

It is quite evident how apocope affected both, synchrony and diachrony, therefore it should not be ignored. Even with the North Caucasian languages comparison, this rule is unchanged. The theonym *ἀκακαλῖς*, according to R. A. Brown: *ἀκακαλῖς* of the oriental tamarisk (Dsk. 1, 89). *ἀκακαλλῖς* 'narcissus (Eumakh. ap. Ath. 15, 681e). *ἀκακαλῖς* 'juniper (Ps. - Dsk. 1, 75)'.
κακαλῖς = 'νάρκισσος (H., κ292)'.
This word has no known etymology. The sequence -κ-κ- is a clear pointer of its non-Indo-European origin, as is also the fluctuation between -λῖς, -λλῖς and the prothesis and/or apharesis of initial α -. In mythology Akakallis is one of Pasiphæ's daughters, thus indicating the strong links between this word and Crete. In the Daghestanian area, almost all languages have a similar word for it, especially Tsez and Hinuq *gagali* 'flower'.

Two facts are relevant:

1. Voiced ~ voiceless opposition is ignored in any form, both in *δέω* and in *ἀκακαλῖς*.
2. In the case of *ἀκακαλῖς*, *ἄχυρον*, *ἀπέλλαι* and *ἀγάλλω*, vocalic apocope is applied in full.

As seen, the rules are unchanged and there is strong suspicion of a common heritage, a proto-language, or, in the worst scenario, close areal contacts. Despite that, some problems may arise when rules are becoming unbearable, like in *ἄχνη* 'straw'. Words with syllabic structure VC¹C²V, once apocope is applied to, a problem may arise. In this case, another option must be taken into consideration: Metathesis. In Linguistics, metathesis is seen as a mispronunciation or a misunderstanding of the correct spelling. Recent research, conducted by E. Hume (1998), Blevins & Garrett (1998; 2004), and some others on different languages, show how metathesis works; and it is not due to 'casual speech', it is a reassessment of syllabic structure instead. It is the case of *ἄχνη* 'straw', which has a perfect counterpart with Daghestanian languages, such as:

Avar: *náku* Andi: *niku* Akhwakh: *níxo* Khinalug: *nuk* Udi: *neq* 'chaff',
Bezhta: *naço, naçu* 'straw'

There are no rules violated here. Apocope of *ǣ-* is regarded in full, and the syllabic structure working in metathesis.

Pre-Greek: VC¹C²V

Daghestanian languages: C²VC¹V

The second system (C²VC¹V) is more archaic, and from this point of view, Pre-Greek might have elaborate a metathesis form. Words must be distinguished and classified by set, such phonological feature is very relevant, in order to allocate and correctly classify every single word. In Beekes' Pre-Greek description, vowels aspect shows a poor system, it is based only on three main vowels: a, i, u. This short-listed numbers are typical of North Caucasian languages.

However, one aspect is deeply neglected for this kind of languages: Consonants co-articulation. Even with a limited number of vowels, co-articulation increase their combination. As result, it also, is possible to trace it back their original syllabic set. The most relevant aspect are theonyms. It is true that, Greeks absorbed quite a few deities of Pre-Greek origin; some others were replaced or abandoned. The case of Akakallis is not isolated, another goddess bear a Pre-Greek name, 'Ρέα ('Ρῆ, 'Ρέη). She was Chrono's sister and spouse, and this is a strong indication of her name; because in some Daghestanian languages, season names are:

Andi: *rejba* Akhwakh: *riṛibo* Chamalal: *ré:bu*

Tindi: *re:b* 'springtime' Avar: *riṛ* 'summer'

Working with a lot of material, it is symptomatic that languages offered reciprocal solution; like in the Urartian pantheon, whose main goddess, *Waruba(i)ne*, she had an unexplained theonym. Her status of Ḫaldi's wife may be part of the theonym. Two Daghestanian languages are very good candidate, Tsez and Hinukh *baru* 'wife'; much more the same as Pre-Greek ὄρα (<* φοάρα) 'wife'. Based on this data, the Urartian theonym should be re-interpreted as 'the consort'.

Considering Daghestanian mythology, like *Kazh*, the good spirit in Avar mythology, the guardian of the hearth, family and well-being; it has the appearance of a white snake. People believe that it has the property to thrive plants. It is called *Kini* in Lak [language], *Kine* in Tsezi and Kune in Dargwa, but *Tufedriḡba* in Rutul, as patron of the hearth, it is invisible and celebrated on Friday. According to legends, Laks has *Kini*, a snake with golden horns; a man is destined to happiness. According to Dargwa, *Kine* is represented by a tall woman with large breasts and long red hair; if she leaves the house, trouble occurs; then, it is difficult to keep it apart from Pre-Greek κινώπετον 'venomous beast (especially serpent)'.

To resume those three (or more) theonyms, it put in evidence how words from common roots are mutually intelligible, or they show traceable lexemes, whatever the direction it was.

Theoretically, languages of the same family must share different aspects, that is include grammar. It is very common among languages that an original lexeme could be preserved as grammatical element; like Pre-Greek μῦριός 'countless, immense, infinite' (>μυριάς '10.000'), Archi -mur, -wur PLUR.

It is not always the case, in spite of 100 words of Swadesh's list still are considered a basic in linguistics, any language can abandon or change any original word and replace it with a superstrata element. Access and settlement in a mountainous environment is difficult, but it does not mean – in any form – that it's impossible. Anatolia has no less than six strata of population:

1. Pre-Indo-European

2. Indo-European
3. Turkic
4. Semitic
5. Kartvelian
6. NorthCaucasian

Historically, even the Caucasian area was affected from invasions. For this reason, part of the original North Caucasian lexicon was lost. To restore the whole original family, is not an easy task. In this way, the Pre-Greek language also shows agreement with the eastern side, that is to say the supposed Hattic and Western Caucasian languages. It is the case of ἀχάινη ‘loaf’, much more the same as Hattic ḫana ‘meal, food’; then Chechen-Ingush ken ‘oats’, both them related to Hurrian gangaduḫḫi (<*gan-gad-uḫḫi) ‘a kind of food’. It is easy to presume that ‘oats’ was the main element, and from there, ‘bread’ or any other ‘meal’ was made out. The same process is seen with Western Caucasian languages, like ἀσπάλαθος ‘name of several types of thorn bush’, and παλιουρος ‘plant name, Christ’s thorn, Paliurus australis’; even synchronic analyses led to ἀσ- > Ø-, then the common root probably was *πάλV-; such form is found in:

Abaza: *pale*

Adyghe: *bala* ‘shrub’

The rules are unchanged, both synchronically and diachronically. Despitethat,thereisnotasecure explanation for ἀ(C¹)- > Ø-. However, two interpretations are possible:

1. An apocope related to time (ancient vs. innovative) or space(vernacular).
2. Grammatical purpose. In this case it works like a- [Determinative/article] inAbkhaz.

Last, but not least, the most interesting and conservative element that enduring from antiquity: geographical names. Those names have had the long-lasting words record. A clear sample is Αχέρων or Αχερούσιος, a well-known river name, because one of the five rivers of the Greek mythology. Hence, when its rule is applied to, ἀ- > *Ø- (like in ἀπέλλαι, ἀγάλλω, etc.), its counterpart is found in Tsez with *keru*, *keru* ‘brook, ravine’.

Similar ideas

As already mentioned, the idea to look eastwards for the origins of Pre-Greek is not new. Aside from the Luwian and Semitic hypothesis only few have named alternative affinities of Pre-Greek. Specifically, Schrijver (2007, 2011) has mentioned the possible relation of the Minoan language to Hattic. Kroonen (2012) seems to align with this hypothesis, but focuses mainly on some pre- Indo-European agricultural terms in Germanic languages and Greek. He makes a very good point on the non-Indo-European loan *arwīt- ‘pea’ in Proto-Germanic, which he compares with the pre- Greek ἐρέβινθος and ὄροβος. To this we will cautiously¹⁴ add the Cappadocian Greek ἀβαρα, which may come from a central Anatolian source (Hattic?). Davis (2013: 39) notes that the type of verbal morphology found in the Minoan libation formula is especially well attested in indigenous North American languages and Hattic. McCall and Fleming (2012: 237) argues that the native population of Crete shows enough biological affinities to Turkey to bolster a theory of Hattic-like speaking Minoans. However, their speculation, as they say, was based on strategic reasoning rather than on inference from specific language evidence. Petit (1995; 1997) believes that the pre-Greek language of Cyprus has Hurrian affinities, a view that is compatible with the current hypothesis and makes sense in terms of geography, but that is in need of more material. We’re not aware of any

¹⁴The attestation of the Cappadocian word is recent (19th century) and does not allow safe conclusions about its origins. There are no known cognates in other languages of the near east.

Джампаоло Тардиво, Филиппос Китселис
Прометей или Амирани. Обновленное исследование
о до-греческом субстрате и его происхождении
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 56–69.

Giampaolo Tardivo, Philippos Kitselis
Prometheus or Amirani. An updated study on the Pre-
Greek substrate and its origins
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 56–69.

other mention of Hurrian in relation to pre-Greek in the field of linguistics¹⁵. For N. Caucasian, there is a list of lemmata compared to Pre-Greek by Nikolaev (1985). We also cited Beekes (2014) and Palmer (1963) who seem to have thought about it. Stephens (1978: 281) made a comment on the Minoan stops:

Furthermore, injective glottalized stop tend to be phonetically voiced and are always lax. Thus, the phonetic nature of such sounds would motivate their association with the lenis Greek stops, and this, of course, agrees with the use of special signs for /d/ and /b/ or /ph/. A labialized counterpart of a glottalized dental stop, to account for the d plus w signs, presents no typological difficulties, as labialization and glottalization frequently co-exist. Such phonemes occur in a number of North West Caucasian languages, such as Abkhaz, Ubykh, and Adyghe, and are also found in other areas of the world. In the Bzyb dialect of Abkhaz one even finds that the features of labialization and pharyngealization co-occur on uvulars.

Most of the above statements on North Caucasian do not qualify as an ideological alignment, but rather as observations.

Challenges

There's no reason to pretend that there are no challenges in this study. For North Caucasian languages, there is no written record prior to Russian occupation, and the Proto-North-Caucasian reconstruction is very poor. Furthermore, their relation to known ancient languages is disputed. Material for languages such as Hattic and Urartian is limited to few hundred words, leaving us with a very poor understanding of them. None of the ancient languages have anything close to a complete Swadesh list. The most complete is Hurrian, while Pre-Greek with its relatively large inventory, has only few words that qualify into a 200-item Swadesh. There is no Rosetta stone from Mycenaean Greece combining Linear A and B or any other known language. There are bilingual inscriptions (Eteocypriot - Greek) from Cyprus, but our understanding of the native Cypriot language is so poor that it is limited to a handful of words¹⁶ whose meanings are not safely established. We're dealing with many unknown factors and a considerable time depth. Some similarities might be coincidental and conventional reconstruction methods are not easily applied under these conditions.

Exclusion

We have not explored connections west of Greece and east of Turkey. We are aware that there are studies dealing with possible connections, such as Kassian (2014) who compares Hurro-Urartian with Sumerian. There are other Basque, Sardinian and Etruscan Mediterranean hypothesis, but we prefer to focus on languages that have more than lexical comparison to offer.

Conclusion

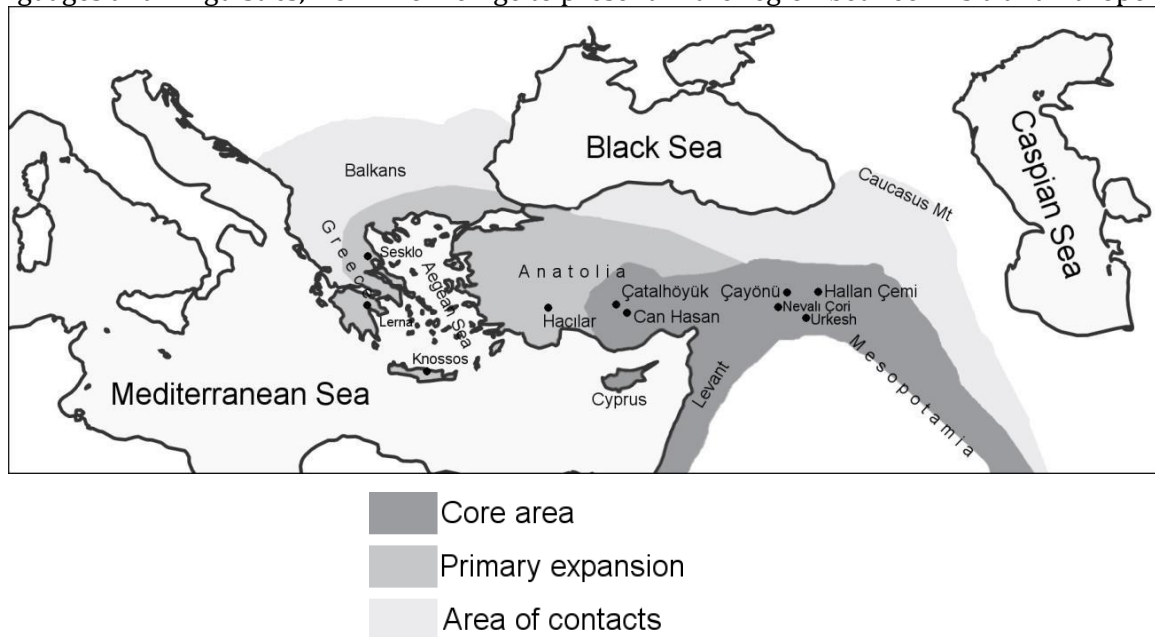
Both archaeology and genetics point to an agrarian migration to Greece, originating from central/western Anatolia and the fertile crescent. Several millennia later, we find Hattic spoken in central Anatolia, while Hurrian was spoken within a large part of the fertile crescent¹⁷. Caucasus is nearby and is therefore a possible refuge of people akin to these early farming societies. Linguistic data seem to incline towards the conclusions made by geneticists and archaeologists. The aforementioned migrational model can explain why Pre-Greek words have counterparts in Hattic, Hurro-Urartian and North Caucasian languages. After the Indo-European and Afro-Asiatic linguistic

¹⁵Comparisons of Greek literature and it's parallels in Hurrian mythology exist; see e.g. Güterbock (1948) and Campbell (2013).

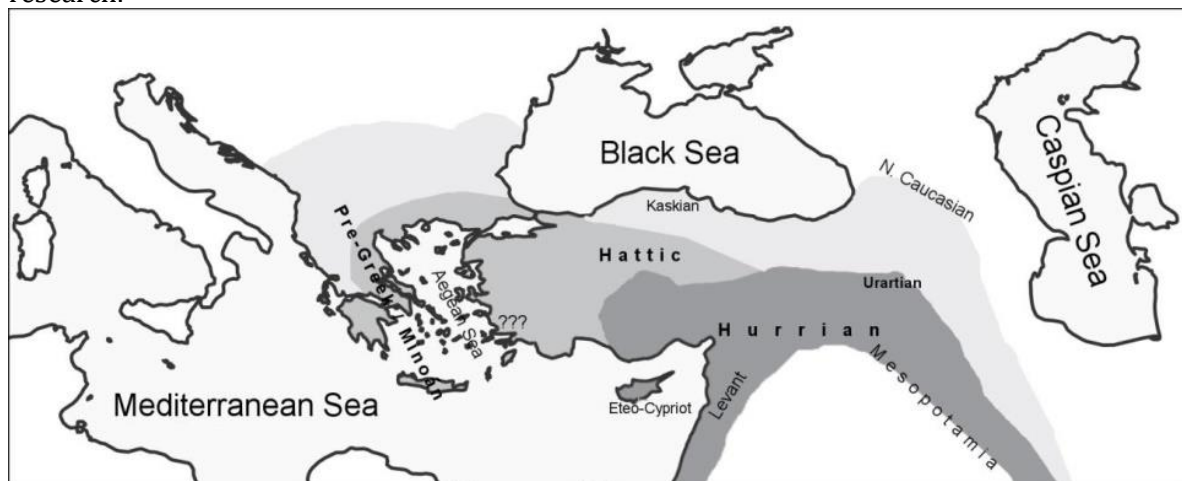
¹⁶ Those are: ke-ra-ke-se-tu-lo-se "well born", -o-ko-o "patronymic suffix", pa-po-no "ethnonym/Paphian", e-ro-ko-ro "king", ma-to-ri "city", o-i-te "and, or", a-na "this".

¹⁷ Frahm, E.E., 2010 has a very good summary of the different hypothesis on the Hurrian homeland.

families' reconstructions, a third big family might emerge from this research. The goal is to restore common roots between those languages. Thus, any finding must be within a framework of rules, the conventional Neogrammarian method that is universally accepted. Rules appear to be static and precise, any Pre-Greek word could have a counterpart with Hattic and/or Hurro-Urartian and/or North Caucasian languages; in all respect, $\alpha \rightarrow * \emptyset$ is seen in all occasions. There are more rules and lexical data, but they are not mentioned in this paper. This is a proposal for further investigation in Languages and Linguistics, from Bronze Age to present in the region between Asia and Europe.

Map showing the initial expansion of farming and some important sites related to this research.

The same map with languages related to this research and their geographical position.

References

1. Beekes, R., 2014. Pre-Greek: phonology, morphology, lexicon. Brill.
2. Bennett, Emmett L., and Cyrus H. Gordon. 1968. Evidence for the Minoan Language: 110-118.

Джампаоло Тардиво, Филиппос Китселис
Прометей или Амирани. Обновленное исследование
о до-греческом субстрате и его происхождении
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 56–69.

Giampaolo Tardivo, Philippos Kitselis
Prometheus or Amirani. An updated study on the Pre-
Greek substrate and its origins
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 56–69.

3. Blevins, J. and Garrett, A., 2004. The evolution of metathesis in “Phonetically based phonology”, pp.117-156. Cambridge.
4. Blevins, J. and Garrett, A., 1998. The origins of consonant-vowel metathesis. *Language*, pp.508- 556.
5. Brown, R.A., 1985. Evidence for pre-Greek speech on Crete from Greek alphabetic sources. *AM Hakkert*.
6. Campbell, L., 2015. Do Languages and Genes Correlate?, *Language Dynamics and Change*, 5(2), pp.202-226.
7. Campbell, D.R., 2013. On the Theogonies of Hesiod and the Hurrians: An Exploration of the Dual Natures of Teššub and Kumarbi in: R. Creation and Chaos: A reconsideration of Hermann Gunkel’s Chaos Kampf Hypothesis, Winona Lake, Indiana, pp.26-43.
8. Chadwick, J., 1969. Greek and pre-Greek. *Transactions of the Philological Society*, 68(1), pp.80- 98.
9. Çilingiroğlu, Ç. and Çakırlar, C., 2013. Towards configuring the neolithisation of Aegean Turkey. *Documenta Praehistorica*, 40, pp.21-29.
10. Colledge, S., Conolly, J., Shennan, S., Bellwood, P., Bouby, L., Hansen, J., Harris, D., Kotsakis, K., Özdoğan, M., Peltenburg, E. and Willcox, G., 2004. Archaeobotanical Evidence for the Spread of Farming in the Eastern Mediterranean 1. *Current anthropology*, 45(S4), pp.S35-S58. Davis, B., 2013. Syntax in Linear A: The Word-Order of the ‘Libation Formula’. *Kadmos*, 52(1), pp.35-52.
11. Dietrich, B.C., 1967. Some light from the east on Cretan cult practice. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, (H. 4), pp.385-413
12. Fernández, E., Pérez-Pérez, A., Gamba, C., Prats, E., Cuesta, P., Anfruns, J., Molist, M., Arroyo-Pardo, E. and Turbón, D., 2014. Ancient DNA analysis of 8000 BC near eastern farmers supports an early neolithic pioneer maritime colonization of Mainland Europe through Cyprus and the Aegean Islands. *PLoS Genet*, 10(6), p.e1004401
13. Frahm, E.E., 2010. The Bronze-Age obsidian industry at Tell Mozan (Ancient Urkesh), Syria: redeveloping electron microprobe analysis for 21st-Century sourcing research and the implications for obsidian use and exchange in Northern Mesopotamia after the neolithic.
14. Furnée, E.J., 1972. Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen: mit einem Appendix über den Vokalismus. *Mouton*.
15. Georgiev, V. I. 1966. Introduzione alla storia delle lingue indeuropee (Vol. 9). Ed. dell'Ateneo. Georgiev, V. 1966. Was stellt die Pelasgertheorie dar?, *Lingua* 16:263-273
16. Goldberg, A., Günther, T., Rosenberg, N.A. and Jakobsson, M., 2017. Ancient X chromosomes reveal contrasting sex bias in Neolithic and Bronze Age Eurasian migrations. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, p.201616392.
17. Gordon, C.H., 1957. Notes on Minoan Linear A. *Antiquity*, 31(123), pp.124-130.
18. Güterbock, H.G., 1948. The Hittite version of the Hurrian Kumarbi myths: oriental forerunners of Hesiod. *American Journal of Archaeology*, 52(1), pp.123-134.
19. Halstead 1996. “The development of agriculture and pastoralism in Greece: When, how, who, and what?” in “The origins and spread of agriculture and pastoralism in Eurasia”. Edited by D. R. Harris, pp. 296–309. London: UCL Press.
20. Hester, D.A., 1964. “Pelasgian”—A new Indo-European language?, *Lingua*, 13, pp.335-384.
21. Hofmanová, Z., Kreutzer, S., Hellenthal, G., Sell, C., Diekmann, Y., Díez-del-Molino, D., van Dorp, L., López, S., Kousathanas, A., Link, V. and Kirsanow, K., 2016. Early farmers from across Europe directly descended from Neolithic Aegeans. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, p.201523951.
22. Hume, E., 1998. The role of perceptibility in consonant/consonant metathesis. In *Proceedings of West Coast Conference on Formal Linguistics (Vol. 17, No. 1998, pp. 293-307)*.
23. Kassian, A., 2014. Lexical matches between Sumerian and Hurro-Urartian: possible historical scenarios. *Cuneiform Digital Library Journal*, 4, pp.1-23.

Джампаоло Тардиво, Филиппос Китселис
Прометей или Амирани. Обновленное исследование
о до-греческом субстрате и его происхождении
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 56–69.

Giampaolo Tardivo, Philippos Kitselis
Prometheus or Amirani. An updated study on the Pre-
Greek substrate and its origins
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 56–69.

25. Kretschmer, P., 1896. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Vandenhoeck und Ruprecht.
26. Kretschmer, P., 1940-1943. Die vorgriechischen Sprach-und Volksschichten. Glotta, 28(3./4. H), pp.231-278.
27. Kroonen, G., 2012. Non-Indo-European root nouns in Germanic: evidence in support of the Agricultural Substrate Hypothesis. A linguistic map of prehistoric Northern Europe, pp.239-260.
28. Kroonen, G.J., 2012. On the etymology of Greek ἄγλις and γέλις 'garlic': an Akkadian loanword in Pre-Greek. Journal of Indo-European Studies, 40(3/4), p.289.
29. McCall, D. and Fleming, H.C., 2012. The pre-Classical circum-Mediterranean world: who spoke which languages?, Archaeology and Language III: Artefacts, Languages and Texts, 1, p.231.
30. Mellaart, J., 1963. Excavations at Çatal Hüyük, 1962: second preliminary report. Anatolian Studies, pp.43-103.
31. Nikolaev, S. L., 1985, Severokavkazskie zaimstvovaniya v hettskom i drevenegrečeskom, Drevnyaya Anatoliya 60-73, Moskva.
32. Palmer, L.R., 1958. Luvian and Linear A. Transactions of the Philological Society, 57(1), pp.75- 100.
33. Palmer, L.R., 1963. The Interpretation of Mycenaean Greek Texts.(Illustr.). At the Clarendon Press.
34. Paschou, P., Drineas, P., Yannaki, E., Razou, A., Kanaki, K., Tsetsos, F., Padmanabhuni, S.S., Michalodimitrakis, M., Renda, M.C., Pavlovic, S. and Anagnostopoulos, A., 2014. Maritime route of colonization of Europe. Proceedings of the National Academy of Sciences, 111(25), pp.9211-9216.
35. Petit, T., 1995. Amathous (autochthones eisin). De l'identité amathousienne à l'époque des royaumes (VIII-IV" siècles), Sources. Travaux historiques, pp.43-44.
36. Petit, T., 1997. La langue étéocypriote ou l "'amathousien": Essai d'interprétation grammaticale. Archiv für Orientforschung, pp.244-271.
37. Pinhasi, R., Pluciennik, M., Bentley, A., Bocquet Appel, J., Bulbeck, D., Perls, C., Zilho, J., Pinhasi, R. and Pluciennik, M., 2004. A Regional Biological Approach to the Spread of Farming in Europe: Anatolia, the Levant, SouthEastern Europe, and the Mediterranean 1. Current Anthropology, 45(S4), pp.S59-S82.
38. Pinhasi, R., Fort, J. and Ammerman, A.J., 2005. Tracing the origin and spread of agriculture in Europe. PLoS Biol, 3(12), p.e410.
39. Renfrew, C., 1998. Word of Minos: the Minoan contribution to Mycenaean Greek and the linguistic geography of the Bronze Age Aegean. Cambridge Archaeological Journal, 8(02), pp.239-264.
40. Schrijver, P.C.H., 2011. La langue hattique et sa pertinence possible pour les contacts linguistiques préhistoriques en Europe occidentale. Contacts linguistiques dans l'Occident méditerranéen antique, pp.241-255.
41. Schrijver, P.C.H., 2007. Keltisch en de burenen: 9000 jaar taalcontact (pp. 1-32). Utrecht University.
42. Stephens, L. and Justeson, J.S., 1978. Reconstructing "Minoan" Phonology: The Approach from Universals of Language and Universals of Writing Systems. Transactions of the American Philological Association (1974-), 108, pp.271-284.
43. Tringham, R. 2000. Southeastern Europe in the transition to agriculture in Europe: Bridge, buffer, or mosaic in Europe's first farmers. Edited by D. Price, pp. 19–56. Cambridge: Cambridge University Press.
44. Van Andel, T.H. and Runnels, C.N., 1995. The earliest farmers in Europe. Antiquity, 69(264), pp.481-500.
45. Yakubovič , I.S., 2008. Sociolinguistics of the Luvian language. ProQuest.

Джампаоло Тардиво, Филиппос Китселис
Прометей или Амирани. Обновленное исследование
о до-греческом субстрате и его происхождении
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 56–69.

Giampaolo Tardivo, Philippos Kitselis
Prometheus or Amirani. An updated study on the Pre-
Greek substrate and its origins
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 56–69.

Прометей или Амирани. Обновленное исследование о до-греческом субстрате и его происхождении

Джампаоло Тардиво,
Италия

Филиппос Китселис,
Италия

В конце 80-х и начале 90-х годов Колин Ренфрю представил свою анатолийскую гипотезу. По его словам, аграрная революция началась в Анатолии, а оттуда распространилась и на Европу. Он предполагал, что эти земледельцы были носителями протоиндоевропейского языка, но его теория имела слабую поддержку со стороны индоевропейских лингвистов. Затем возникают некоторые вопросы: Какой язык (языки) был введен на Эгейских островах и материковой Греции этими ранними фермерами? Возможно ли выяснить принадлежность минойского языка? В этой статье рассматривается аграрная гипотеза, не связанная с индоевропейскими и семитскими языковыми семьями, а представляющая новую языковую семью, которая охватывает Эгей, Анатолию, Кавказ и Ближний Восток

Ключевые слова: до-греческий, Минойский, субстратный, анатолийский, кавказский, ближневосточный, хаттский, хурритский, северокавказский, аграрная гипотеза субстрата.

Продукты питания и напитки сельскохозяйственного происхождения в годоберинском языке

Сиражудинов Р. М.,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанских языков
Дагестанского государственного университета, Махачкала, Дагестан*

Годоберинцы (самоназвание гъибдиди) – одна из народностей Дагестана, по языку и культурного развития в котором относятся к андийской подгруппе аваро-андо-цезской подгруппы нахско-дагестанских языков. Годоберинцы проживают компактно только в двух селах на севере Дагестана – в Зибирахали и Годобери. Общаются годоберинцы на бесписьменном языке (гъибдилли мицци). Тем не менее речь жителей сел Годобери и Зибирахали различается, составляя два говора, каждый из которых имеет ряд особенностей фонетического и лексического характера. По приблизительным данным, общая численность годоберинцев – около 8 тысяч человек. Язык находится под угрозой исчезновения, так как является бытовым языком у ограниченного числа носителей. В школе в качестве родного языка изучается аварский язык, официальным языком годоберинцев является русский язык.

Ключевые слова: годоберинский язык, сельскохозяйственные растения, продукты-питания, растительного мир.

Для цитаты:

Сиражудинов Р. М. Продукты питания и напитки сельскохозяйственного происхождения в годоберинском языке [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №3. С. 70-75. doi: 10.17759/langt.2019060308

For citation:

Sirazhudinov R.M. Food and drink of agricultural origin in the Godoberian language [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst [Language and Text], 2019, vol. 6, no. 3, pp. 70-75. doi: 10.17759/ langt.2019060308 (In Russ., abstr. in Engl.)

В годоберинском языке лексический фонд характеризуется наличием большого количества слов, отражающих важнейшие понятия жизни. Сельскохозяйственный и животноводческий фонд является самой древней и устойчивой частью лексики, которая представлена в языке и включает слова, обозначающие наиболее многочисленные и разнообразные лексико-тематические подгруппы, охватывающие: а) названия растений, б) названия овощей, фруктов, в) термины, связанные со сбором и уборкой урожая. В жизни жителей сел Зибирахали и Годобери важную роль играет трава, которая растет в горах и в окрестностях сел. Она служит основным кормом для скота и широко используется при приготовлении пищи. Веками годоберинцы специально собирают, сушат и маринуют съедобные травы, а из лекарственных трав готовят настои. Вместо натурального чая или вместе с чаем в лечебных целях заваривают некоторые лекарственные растения. Соответственно, в

годоберинском языке представлен богатый пласт лексики, отражающий термины растительного мира, имеющего огромное значение в жизни людей, в хозяйстве, пище, народной медицине. Общее количество слов - названий продуктов питания и напитков, связанных с сельским хозяйством, в годоберинском языке достигает несколько сот лексических единиц.

Тематическая группа названий растений во многом отличается от названий групп, которые нами ниже рассматриваются.

В эту группу включатся следующие разделы, связанные с сельскохозяйственной лексикой: а) названия культурных (сельскохозяйственных) растений; б) названия фруктов и овощей; в) названия плодовых деревьев и кустарников; г) названия частей сельскохозяйственных растений и связанные с ними понятия; д) термины, связанные со сбором и уборкой урожая.

Общее наименование сельскохозяйственных культурных растений на годоберинском языке передаются терминами бачин "зерно", мугъи "ячмень", бачин "урожай". Из названий культурных растений известны в основном муа «рожь», муча «просо», къеру «пшеница», ниha «овес». Кроме пшеницы, известны такие сельскохозяйственные культуры, как гъали «горох», бечин «ячмень, очищенный на крупном сите», ниha «овес», ирххагъали «бобы», огоб «разновидность ржи», турти «лен», бечлергъали «черный горох», хлежинк1а «кукуруза», ирххагъали «фасоль» и т.д.

Растением, которое выращивают испокон веков выращивают годоберинцы, до сих пор остается ц1оросороль «кукуруза», проникшая, как показывает название, из тех регионов, где традиционно проживали носители аварских языков, в частности, в Цоре: ц1оросароль «кукуруза» (букв. «пшеница из Цора»; Ц1ор - аварское исконное название современной территории Восточной Грузии и Северо-Западного Азербайджана). А в приграничный с территорией Грузии анцухский диалект вошло и другое название кукурузы-симилди, симинди [3].

В Годобери, Зибирхали и в некоторых авароязычных селах Ботлихского, Цумадинского, Ахвахского, Казбековского районов, где проживают аварские народности, а также в Чечне, Ингушетии и у многих народов Дагестана кукуруза называется хлежулъ, хлежинк1а, тогда как в рутульском языке, относящемся к лезгинской подгруппе нахско-дагестанских языков, зафиксировано другое название – къаргъадалый, что свидетельствует о том, что кукуруза как культура была известна в регионе давно, но появилась после распада нахско-дагестанского языкового единства, так как у северных дагестанцев и их соседей имеет одно название, а у южных дагестанцев – другое.

Академик Н.И. Вавилов свидетельствует о древности развития этой отрасли хозяйства, он приводит также данные сельскохозяйственного календаря, которые тоже могут служить доказательством знакомства с этой культурой с ранних веков [2]. Упоминается кукуруза и в произведениях устного народного творчества годоберинцев.

Приведем названия сельскохозяйственных растений и связанные с ними понятия, которые дифференцируются по видовым группам растений: наименования деревьев и кустарников; наименования связанных с фруктовыми и плодовыми культурами явлений; наименования, связанные с овощными культурами и сельскохозяйственными растениями и т.д.

Территория проживания годоберинцев с ее сильно расчлененным рельефом, горным суровым климатом и сложным геологическим строением представляет собой уникальный край: значительная часть земель покрыта лесными деревьями, садами, остальная

территория представляет собой альпийские и субальпийские пастбища, в связи с чем среди наименования продуктов питания и разных видов напитков можно выделить две самостоятельные группы, связанные с животноводством и сельским хозяйством.

В первую группу входят следующие названия:

а) наименования молочных продуктов:

годобер. язык	русский язык	годобер. язык	русский язык
<i>баабу щиву</i>	кефир	<i>л1ирл1и</i>	масло
<i>ццикку щиву</i>	свернувшееся молоко	<i>ццикку щиву</i>	простокваша, кислое молоко
<i>лабк1ар</i>	сметана	<i>къвачара</i>	сыр
<i>ццира</i>	молозиво	<i>инса</i>	творог
<i>эрци</i>	сыворожка	<i>бирун</i>	рассол для сыра

б) наименования основных видов продуктов и блюд:

годобер. язык	русский язык	годобер. язык	русский язык
<i>бегъалибу гуни</i>	замес толок на воде	<i>рец1и</i>	хлеб
<i>гуни</i>	толокно	<i>къаркъе</i>	чуду
<i>беччидибу гъат1и</i>	сдобное тесто	<i>к1к1арди</i>	хинкал
<i>картушка</i>	картофель	<i>гъат1и</i>	тесто
<i>манза-маква</i>	продукты питания	<i>гунил1и игъибугъани</i>	лепешка из солода и толокна
<i>къерул1и гъат1и</i>	пшеничная мука	<i>х1ежинк1ал1и рец1и</i>	кукурузная лепешка
<i>бушиме</i>	вареники, пельмени	<i>х1ежинк1ал1и гъат1и</i>	кукурузная мука

У годоберинцев, живущих высоко в горах, раньше основными мучными продуктами растительного происхождения были толокно и кукурузная мука, с развитием условий жизни в настоящее время и кухня стала намного богаче и разнообразнее.

в) наименования напитков:

годобер. язык	русский язык	годобер. язык	русский язык
<i>чагъир</i>	вино	<i>ч1аг1а</i>	буза (хмельной напиток)

г) названия разных процессов, связанных с сельским хозяйством

годобер. язык	русский язык	годобер. язык	русский язык
<i>рахъи</i>	борозда	<i>хханххал бухи</i>	боронование
<i>ракъдаллъи</i>	засуха	<i>бач1ин бишали</i>	уборка зерновых
<i>рухъари</i>	пахота	<i>рухъари</i>	прополка
<i>роль ххине, пурч ххине</i>	молоть	<i>лъалъади</i>	полив
<i>рекъари</i>	сев, посев	<i>хъон бухъизе</i>	закапывание семян

<i>рецари</i>	сенокосение	<i>бач1ин бац1ад гъаби</i>	уборка (очистка) хлева
<i>ганаль хьон бухъизе</i>	закапывание семян мотыгой	<i>гвай</i>	коллективная помощь, работа
<i>т1ор</i>	колос	<i>ч1аради</i>	очистка от сорных трав
<i>рольул т1ор</i>	колос пшеницы	<i>лал т1амизе</i>	молотить

д) наименования мясных продуктов:

годобер. язык	русский язык	годобер. язык	русский язык
<i>бекъибу бакъи</i>	горская колбаса	<i>бакъи</i>	колбаса
<i>чара рикъи</i>	жирное мясо	<i>бежабу рикъи</i>	жаркое
<i>рикъи</i>	мясо	<i>айи</i>	мясной суп (бульон)
<i>къулиг1а рихул1и</i>	туша барана	<i>хъухъари</i>	заготовка мяса на зиму
<i>бекъибу рикъи</i>	сушеное мясо	<i>ч1етабу рикъи</i>	мясо без жира

е) наименования продуктов домашних птиц:

годобер. язык	русский язык	годобер. язык	русский язык
<i>оочул1и рикъи</i>	курятина	<i>гъаргъану</i>	яйцо (куриное)
<i>хайгун</i>	яичница	<i>хъазил1и рикъи</i>	гусиное мясо
<i>бадил1и гъаргъану</i>	утиное яйцо	<i>гургурал1и рикъи, маскулал1и рикъи</i>	мясо индюка

ё) названия, связанные с деревьями и кустарником:

годобер. язык	русский язык	годобер. язык	русский язык
<i>къурараб г1аркъен</i>	крученая ветка	<i>гигин</i>	цветок
<i>пирци</i>	древесная смола	<i>къибил</i>	корень
<i>халъаб</i>	лист	<i>ц1ункъа</i>	почка
<i>макъар, гъилассу хъали</i>	кора дерева	<i>к1ишу</i>	шиповник

ж) названия, связанные с фруктовыми и плодовыми культурами:

годобер. язык	русский язык	годобер. язык	русский язык
<i>хъали</i>	скорлупа	<i>гягя</i>	косточка
<i>сок, лъени</i>	сок	<i>хъали</i>	кора, кожура

з) названия, связанные с культурными растениями:

годобер. язык	русский язык	годобер. язык	русский язык
<i>бекъибу сума</i>	высохший стебель зерновых	<i>къерул1и сума</i>	стебель пшеницы
<i>х1ежинк1ял1и ч1ума</i>	кукурузный стебель	<i>беч1инал1исума</i>	стебель ячменя

<i>шуни</i>	семена	<i>лала</i>	колос
<i>кьохи, симил</i>	ость	<i>мугъи, гягя</i>	зерно, зернышко
<i>х1ежинк1ял1и лъели</i>	кукурузный початок	<i>сума</i>	стебель
<i>мугъи, гягя</i>	зерно	симишкя	семечки

и) названия, связанные с овощными культурами:

годобер. язык	русский язык	годобер. язык	русский язык
<i>мочу(ирххагъалил1и)</i>	стручок	<i>хъали</i>	кора, кожура
<i>шуни</i>	семена	<i>ц1иву к1анц1ибу г1аркъел</i>	ростки
<i>хъапустал1и х1ок1и</i>	кочерыжка	<i>ламщу, мажи, хоро</i>	ботва
<i>к1анчи</i>	лук	<i>ражи</i>	чеснок
<i>ахил1и гъали</i>	фасоль	<i>гъали</i>	горох
<i>ххеркъи</i>	морковь	<i>хъабахъи</i>	тыква

Огородничество у годоберинцев получило развитие вместе с садоводством и земледелием. Плодородной земли очень мало у годоберинцев, под те или иные культуры отводятся небольшие участки земли возле дома. В основном, один и тот же земельный участок служит и огородом, и полем, и садом. По краям в основном растут фруктовые деревья или виноград. До последнего времени основную площадь земли занимали зерновые и огородные культуры.

Земледелие было у годоберинцев одним из основных занятий и способствовало появлению в языке множества сельскохозяйственных терминов, которые отражают весь опыт, полученный веками. Проведенный анализ показал, что сельскохозяйственная и животноводческая терминология в ходе исторического развития претерпела определенные изменения, вызванные разными факторами, прежде всего, расширением и усилением экономических, политических, культурных и иных связей и контактов. Следует отметить, что большинство приведенных терминов из годоберинского языка в настоящее время становятся малоупотребительными, носители языка с трудом вспоминают их, так как аварские и русские термины активно заимствуются языком.

Литература

1. Алексеев М.Е. Аварский язык // Языки мира: Кавказские языки. - М., 1999. - С. 203-216.
2. Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. №2. С.74.
3. Климов Г.А. Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков. М., 2003.
4. Махмудова С.М. Грамматические классы слов и грамматические категории рутульского языка. Дисс. на соиск. уч. ст. Д. филол. н. Махачкала, 2002.
5. Махмудова С.М. Фразеологический словарь рутульского языка. Махачкала, 2016.
6. Махмудова С.М. Рутульская литература. Махачкала, 2008.
7. Махмудова С.М., Хангереев М.-Б.Д.-Г., Алиева З.М., Базиева З.М., Гаджихмедов Т.И., Гасанова М.А., Гасанова У.У., Гусейнов Г.М., Джалилова А.Б., Исрапилов П., Керимова К.Р., Кусегенова Ф.А., Магдилова Р.А., Мудунова Г.А., Сиражудинов Р.М., Солтаханов И.Э.,

Сиражудинов Р. М.
Продукты питания и напитки
сельскохозяйственного происхождения в
годоберинском языке
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 70–75.

Sirazhudinov R.M.
Food and drink of agricultural origin in the Godoberian
language
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 70–75.

Сулейманова Г.П., Султанмурадова Н.Э. Краткий разговорник на языках народов Дагестана. Махачкала, 2015.

8. Саидова П.А. Годоберинско-русский словарь. Махачкала, 2006. — 456 с.

9. Полевой материал автора собранный в селах Годобери и Зибирхали Ботлихского района (во время поездок в 2015-2019 г.г.).

Food and drink of agricultural origin in the Godoberian language

Sirazhudinov R.M.,

Ph.D., Associate Professor, Department of Dagestan Languages, Dagestan State University, Makhachkala, Dagestan

---

Godoberi (self-name gibdidi) is one of the ethnic groups of Dagestan, in terms of language and cultural development, which belong to the Andian subgroup of the Avaro-Ando-Tsezy subgroup of Nakh-Dagestan languages. Godoberians live compactly only in two villages in the north of Dagestan - in Zibirkhali and Godoberi. Godoberians speak a non-written language (gibdidi mizzi). Nevertheless, the speech of the inhabitants of the villages of Godoberi and Zibirkhali differs, making up two dialects, each of which has a number of phonetic and lexical features. According to rough estimates, the total number of Godoberians is about 8 thousand people. The language is threatened with extinction, as it is a common language among a limited number of native speakers. The Avar language is studied in the school as the native language, the official language of the Godoberians is Russian.

Keywords: Godoberi language, agricultural plants, food products, plant world.

References

1. Alekseev M.E. Avar language // Languages of the world: Caucasian languages. - M., 1999. -- S. 203-216.
2. Vavilov N.I. World experience in agricultural development of highlands // Priroda. 1936. No. 2. P.74.
3. Klimov G.A. Khalilov M.Sh. Dictionary of Caucasian languages. M., 2003.
4. Makhmudova S.M. Grammar classes of words and grammatical categories of the Rutul language. Diss. for a job. student Art. D. filol. n Makhachkala, 2002.
5. Makhmudova S.M. Phraseological dictionary of the Rutul language. Makhachkala, 2016.
6. Makhmudova S.M. Rutul literature. Makhachkala, 2008.
7. Makhmudova S.M., Khangereev M.-B.D.-G., Alieva Z.M., Bazieva Z.M., Gadzhiakhmedov T.I., Gasanova M.A., Gasanova U.U., Guseinov G.M., Dzhililova A.B., Israpilov P., Kerimova K.R., Kusegenova F.A., Magdilova R.A., Mudunova G.A., Sirazhudinov R.M., Soltakhanov I.E., Suleymanova G.P., Sultanmuradova N.E. Ashortphrasebook in the languages of the peoples of Dagestan. Makhachkala, 2015.
8. Saidova P.A. Godoberin-Russian dictionary. Makhachkala, 2006 456 p.
9. The author's field material collected in the villages of Godoberi and Zibirkhali in the Botlikh region (during trips in 2015-2019).

Семантико-стилистический анализ поэтического пространства современной поэзии (на материале произведений студентов Московского государственного психолого-педагогического университета)

Лю Цинь Линь,

Магистр, Цзилиньский университет, О. Хайнань, Китай

В статье рассматриваются особенности поэтического видения мира студентами Московского государственного психолого-педагогического университета.

Ключевые слова: поэзия молодых, семантико-стилистические особенности, основные темы и образы, основные мотивы творчества молодых поэтов.

Для цитаты:

Лю Цинь Линь Семантико-стилистический анализ поэтического пространства современной поэзии (на материале произведений студентов Московского государственного психолого-педагогического университета) [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №3. С. 76-80. doi: 10.17759/langt.2019060309

Forcitation:

Liu Qin Lin Semantic and stylistic analysis of the works of young poets of the Moscow state University of psychology and education [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst [Language and Text], 2019, vol. 6, no. 3, pp. 76-80. doi: 10.17759/langt.2019060309 (In Russ., abstr. in Engl.)

Российский народ всегда был богат талантами, и основную линию духовного развития страны, как правило, определяли представители молодого поколения. Поэзия – это та часть творческой струны души народа, которая первой отзывается на грядущие перемены и первой начинает требовать их. Материалом исследования настоящей статьи служат поэтические произведения современной студенческой молодежи. Основной задачей работы является анализ творческих поисков и определение семантико-стилистических особенностей поэтического текста, составляющего лирическую страницу творческих поисков студенческой молодежи.

Стихотворения молодых поэтов, только пробующих перо, удивляют разнообразием духовных исканий, форм, тематики и самим отношением к современным проблемам страны, что не может не отразиться в произведениях начинающих авторов в силу того, что талантливые люди в России всегда были на переднем плане социальных и политических преобразований.

Стихотворения студенческой молодежи отличаются как творческим освоением традиций отечественной поэзии, так и попытками внести что-то свое, новое, попытками приспособить традиционные формы и жанры под задачу самовыражения.

Поэтическое пространство **Ивана Панкова** отличается ярким, уже сложившимся стилем, хотя демонстрирует также поиск новых форм для выражения своего внутреннего мира и духовных исканий:

Он зашел
В огромную цепь
Из больших механизмов.
Карандашом
Исправил цель
И вызвал тем миллион катаклизмов.
Навертел
Или просто разлил,
Разорвав круг из порочных цепей.
На прицел
От кончиков вил,
Что хранили в железе крики детей.
Перелез
Мимо сетки людей
И сквозь призму колючих агоний.
Через лес
Собирал, как свиней,
Остатки живых какофоний.
Он вздохнул
И направил кольцо,
Что разбило тьму и отбросило свет.
Шепот дул,
Тех, что палят в лицо
И усилия тщетные сводят на нет.
«Мир един», -
Прошептал, руки соединив
В ужасном мистическом круге.
Холод льдин...
И призвал под веселый мотив
Того, кто сломал опорные дуги.
Бурый мешок
С остатками бошек
И потрепанной маркой «Демикс».
Гребаный рок

Под фальшивый звук кошек
И просто по имени: Феникс.
***

Часы. Часы уже бегут,
А мы с тобой то там, то тут,
Горят осенние костры,
Молчу и я, молчишь и ты.
Ну а часы? Они бегут.
Париж, Москва, Казань, Бейрут,
Так много красок и людей,
Так мало держит их цепей.
Часы бегут, бегут и стрелки,
Так аппетитно точат белки,
Кроша на воду изумруд.
Кругами пишет старый пруд.
Летают цифры на табло,
А я хотел сказать давно
А ты ответить бы хотела?
Горит душа, горит и тело,
Часы идут, часы бегут,
И странам, городам карут,
Хочу сказать я: Подожди!
Скрывают слово то дожди.
Бегут домой твои часы,
Скрываясь от Жнеца косы.
Ну а мои? Кажись, оставил,
Когда нарушил сотню правил.
Бегут секунды и минуты,
Спадают вековые пути,
А я хочу лишь только слово:
Да или нет? И все, готово.

(Иван Панков)

Валерия Маринченко пишет про извечную тему – любовь, но как отличается восприятие этого чувства от традиционного! На наш взгляд, современная молодежь отличается такой целеустремленностью, умением держать себя в руках, что это отражается и в поэзии:

Любовь свою, как дикого питомца,
Ты должен приучать к порядку.
Чтобы не выть потом на звезды, на луну, на солнце,
И не рыдать над чувствами, раздавленными всмятку.

Лю Цинь Линь

Семантико-стилистический анализ поэтического пространства современной поэзии (на материале произведений студентов МГППУ)

Язык и текст

2019. Том 6. № 3. С. 76–80.

Liu Qin Lin

Semantic and stylistic analysis of the works of young poets of the MSUPE

Language and Text

2019, vol. 6, no 3, pp. 76–80.

Умей порывы чувств держать в узде.
Не позволяй им управлять тобою слепо.
Запомни: тут приказываешь ты, а не они тебе.
Достань контроля цепи и затяни их крепко.

(Валерия Маринченко)

Резкая и пронзительная рифма в стихотворении **Андрея Доронина** «Ночь» бьет, как автоматная очередь, подчиняя чтение внутреннему ритму сердца молодого поэта. Размер подчинен выражению напряжению мысли:

Ночь.
Лишь блеск ванадиевого диска
Прерывает гладь тумана.
Дрожь.
Плата земли колеблет
Речные берега.
Мгновение.
Сустав ноги движет
Весь органический состав.
Полёт.
Земли под ногами нет,
Но эфир даёт опору.
Луна.
На неё заходит образ,
Прерывая луч на камне.
Другой прыжок.
И скользкий выстрел языка.
Смерть.
Без возвращения к земле.

(Доронин Андрей)

Диана Аббасова посвятила стихотворение Москве, однако в нем не восторг городом, а надломленность, словно автор была очевидцем непростых времен, но тем и интересен талант, что в его сердце, как пружина, сжимается время и часто поэт сам не знает источник чувства:

Привет, Москва. Двуглавое начало.
В пыли рожденный мраморный сезам.
Я твой портрет за пазухой качала,
А ты не верила моим слезам.

Москва. Москва. Давно в себя впитала
Кровь Трифона, и боль, и благодать,
Взрастив сады, фонтаны, яшму залов
(В них соколиная белеет стать)...

(Диана Аббасова)

В "Стихотворении грустного вечера" Полина Лученкова передает трагизм любви, используя неизбитые образы, - "тишина, хрустящая на зубах", "звёзды тают, словно от дыханья", "сигарета, зажженная от мертвого огня", "свят, как ладан":

В прозрачной тишине, хрустящей на зубах,
Все звёзды тают, словно от дыханья.
Как в куче мусора, он роется впотьмах,
Ища ответ у мутного сознанья.

Где в белых пальцах тухнет сигарета,
Зажженная от мертвого огня,
Вопрос был задан, не было ответа.
Клубится дым, безумца уводя.

В осколках черных битого бокала
Танцуют дикий вальс при фонаре
От пьяного рассвета, как начала,
Но мыслей нет при трезвой голове.

И на щеке в дорожке свежей, влажной,
Играет отблесктерпкого вина,
И жизнь уже становится не важной,
Когда судьба, как косы, сплетена.

Все только ждут, когда слова родные,
Преступят глупой юности порог,
А ты прошепчешь: "Вечно молодые..."
И спустишь в одиночестве курок.

И в "Спутник" обернут тебя, как в саван,
Тебе без пересадок до конца ...
Ты будешь проклят, может, свят, как ладан,
Но жизнь твоя, как рельсы МЦК.

(Полина Лученкова)

Стихотворения молодых поэтов удивляют точностью художественного видения мира, остротой восприятия жизни и глубоким самоанализом.

Литература

1. *Беляева Н.В.* Взгляд на современную поэзию // Общество. Среда. Развитие. 2009.
2. *Зайцев В.А.* О художественно-стилевых течениях в русской поэзии XXI века // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2009. № 4.
3. *Котова Н.А.* Современная духовная поэзия. Дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н. М., 2008.
4. *Махмудова С.М.* Рутульская литература. Махачкала: Народы Дагестана. 2008.
5. *Фатеева Н.А.* Поэзия как филологический дискурс. 2-е издание. М.: Языки славянской культуры. 2017.

Semantic and stylistic analysis of the works of young poets of the Psychological and Pedagogical University

Liu Qin Lin,

Master student, Jilin University, Hainan, China

The article discusses the features of the poetic vision of the world by students of the Moscow State University of Psychology and Education.

Keywords: Poetry young, semantic-stylistic features, the main themes and images, the basic motives of creativity of young poets.

References

1. Belyaeva N. V. View on modern poetry// Society. Wednesday. Development. 2009.
2. Zaytsev V. A. On the artistic and stylistic trends in Russian poetry of the XXI century//Bullet in of Moscow University. Ser. 9. Philology. 2009. No. 4.
3. Kotova N. A. Modernspiritualpoetry. Diss. On competition of a scientific degree. Academic article candidate of philological Sciences. n. M., 2008.
4. Mahmudova S. M. Rutul literature. Makhachkala: ThePeoplesOfDagestan. 2008.
5. Fateeva N. A. Poetryas a philological discourse. 2nd edition. M.: languages of Slavic culture. 2017.

Жанрово-стилистические особенности стихотворений молодых поэтов Московского государственного психолого-педагогического университета

Лю Цинь Линь,

Магистр, Цзилиньский университет, О. Хайнань, Китай

В статье рассматриваются особенности поэтического видения мира студентами Московского государственного психолого-педагогического университета.

Ключевые слова: поэзия молодых, семантико-стилистические особенности, основные темы и образы, основные мотивы творчества молодых поэтов.

Для цитаты:

Лю Цинь Линь Жанрово-стилистические особенности стихотворений молодых поэтов Московского государственного психолого-педагогического университета [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №3. С. 81-85. doi: 10.17759/langt.2019060310

For citation:

Liu Qin Lin Genre and stylistic features of poems written by young poets of the Moscow State Psychological and Pedagogical University [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst [Language and Text], 2019, vol. 6, no. 3, pp. 81-85. doi: 10.17759/langt.2019060310 (In Russ., abstr. in Engl.)

В медийном пространстве современной России устоялось мнение о том, что выпускники школ под прессом ЕГЭ перестали творчески мыслить, что жесткие требования ЕГЭ отучают школьников от самостоятельной оценки окружающих их явлений, привязывая их мышление исключительно к запоминанию ответов и тестов.

Наша статья будет посвящена творчеству выпускников российских школ, поступивших в основном на первый курс института “Иностранные языки, современные коммуникации и управление” Московского государственного психолого-педагогического университета,

Как это демонстрируют приведенные ниже стихотворения, молодое поколение россиян, как это было всю предыдущую историю страны, отличается, наоборот, тем, что обладают художественным мышлением, трезвым отношением к окружающему миру и, прежде всего, к себе, поисками своего места в жизни.

Основным мотивом творчества Дарьи Королевой являются внутренние переживания. Стилистической особенностью её творчества является преднамеренное выделение отдельных слов, создающих эмоциональную окраску. Дарья использует необычные образы и метафоры, которые показывают авторское видение мира. Молодой поэт использует мифологические мотивы, придавая им актуальное значение.

Сыграй,
Сыграй на шестиструнной,
Хоть что-нибудь, мне плохо, друг.

Зачем
Всегда казаться умным,
Во взгляде проклиная все вокруг.

Сыграй
Кино, умеешь? Ну же,
Хотя бы "Пачку сигарет".

Как никогда, друг, ты мне нужен,
Прошу же, дай мне свой ответ.
Сыграй,
Сыграй, не надо боле
Скорбеть по прожитым годам.
Мы
Пережили много боли
Все силы в никуда отдав.
Друг,
Ты замолк, чего так грустен?
Мы все здесь сожжены до тла.
С меня
Стихи. Жаль, что не устно,
Прочту, коль вылезешь из лат.
Услышь меня,
Я рядом, близко.
Моя душа открыта, друг.
Гитары

***

Тесей
Откуда ты, откуда я.
Во всем видна нить Ариадны.
Под пение сирен и пляс дриад
Сплелось. Сплелось, как было надо.

Ты средь убийственных вестей
В души заброшенную рощу
Привнес огонь, как Прометей.
Только судьба, пожалуй, проще.

И что теперь? И что потом?
Да, как пойдет, прорвемся, склеим.
Как скажешь, только б не Содом.
И без ошибок юного Орфея.

Вот мой клубок. Проложим путь.
Тесей, поверь, ты для меня герой.
Хоть черные пришлось вам натянуть,
Мне важно лишь одно, -
Что ты –
Живой.

(Королева Дарья)

В стихотворении **Кузнецова Дмитрия** прослеживается образ светлой тоски. Оригинальные метафоры несомненно талантливого автора создают проникновенный

Гриф горит от бликов.
Жаль, не от песен. Может вдруг
Ты вспомнишь
Хоть один мотив
И в твоём сердце отзовется
Былой
Шум рек и ропот ив,
Как из окна вновь песня льется...
Возьми
Ты хоть один аккорд.
Вспомни, "Кузнечика" играли.
Деревня,
Сени, старый кот.
Тогда друг другу мы не врали.
Я знаю,
Знаю, помнишь ты.
Друг, извини, я так скучаю.
"Кузнечик",
Детские мечты
И бабушка
за чашкой
чая.

образ: «И осень смотрит сквозь меня; Печально-жёлтыми глазами», передавая меланхолическую романтику осени. Прослеживается явный контраст между идеализированным прошлым и тусклой серой обыденностью сегодняшнего дня: автор проводит параллель между циклической последовательностью времён года и настроением лирического героя в целом:

Сентябрь. Город в полумраке.
Навстречу мне - лишь свет от фар.
Остановился. Снова в шаге
Листок упал на тротуар.

Я помню это место! Летом
Здесь шёл я за руку с мечтой.

Когда всё властно было свету
И я был - несколько другой.

А ныне, слепо всё браня,
Бреду один между домами,
И осень смотрит сквозь меня
Печально-желтыми глазами...
(Кузнецов Дмитрий)

Арина Бояркина в своём стихотворении описывает страх лирического героя перед будущим, уходящего мечтами в прошлое, идеализируя его:

Нежно храню экс-фантомное чувство
В пыльной коробке сухой надежды,
Ставлю металл в микроволновку вины,
Всё горит безвозмездно.
Жутко петь о мечтах,
Жутко тревожить охрипшее сердце.
Будет ли жить в наших сгоревших домах
Мысль о правильной песне?
Вижу в зеркале вновь
Фантом в бликах острой тоски,
И в пыльной коробке вновь
Светлые чувства зеркальной любви.
(Арина Бояркина)

Евгений Ястреб (псевдоним) пишет стихи будто с обнаженным сердцем, слогом, рифмой передавая боль от столкновения с внешним миром. В его стихотворении лирический герой ищет ответы у философии, религии, дружбе и любви, но не находит соответствия внутреннего мира внешнему, и «где-то внутри задохнулся ты Накануне дня всех святых». Духовные искания и пассионарность всегда были свойственны молодому поколению России, в последние же десятилетия в произведениях, создаваемых ее представителями, максимализм в мышлении и в чувствах проявляется особенно ярко.

Сердце на вырост или нарост?
Сердце — мерило. Всегда мало.
Орган власти: синод, рейхстаг,

Кстати, я видел в кино Христа,
И он сердцем просил любить,
Только щёлочь, токсин в груди

Выедает, как червь, дыру там -
Миллионы пустот в минуту.

Помни главное: процесс сей
Ни Кафка, нет, - фаренгейт и цельсий.
И ты будешь гореть, весь уголь,
На ладони семьи и друга.
Дурак, можешь играть в таро,
Искать, кто бы тебе помог,
Бросить лодку и съесть собаку,
Чтоб согласиться, что это - фатум.

Кришна, Будда, вино и Ницше,
Словно топишься в море истин,

Словно ищешь тот самый икс и
Его площадь - всего лишь пиксель.
Словно ищешь причину вспышек,
Сердце, будто болезнь и спички.
Сердце — камень, откуда искры,
Когда бьётся о свой же принцип,

О человека с таким же сердцем.
Продал душу — купил винчестер,
Чтобы щели заткнуть патроном,
Потому что гниют, как крона,
И не свет по ним, только дым
В чёрном пальто своём проходил,
А где-то внутри задохнулся ты

“Поэтические опыты отражают активные процессы, происходящие в самом языке, и фиксируют основные направления его развития», - пишет Н.А. Фатеева [5:8]. Следует добавить, что поэтические опыты студенческой молодежи также отражают активные процессы, происходящие в современной поэзии. Художественный мир начинающих поэтов богат и является вибрацией ритмического текста в мировом пространстве. Основная характеристика общей тематики всех приведенных произведений – философские размышления о нестабильности, зыбкости мира и жизни, что, на наш взгляд, является основной тенденцией в новейшей российской поэзии.

Литература

1. *Беляева Н.В.* Взгляд на современную поэзию // Общество. Среда. Развитие. 2009.
2. *Зайцев В.А.* О художественно-стилевых течениях в русской поэзии XXI века // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2009. № 4.
3. *Котова Н.А.* Современная духовная поэзия. Дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н. М., 2008.
4. *Махмудова С.М.* Рутульская литература. Махачкала: Народы Дагестана. 2008.
5. *Фатеева Н.А.* Поэзия как филологический дискурс. 2-е издание. М.: Языки славянской культуры. 2017.

Genre and stylistic features of poems written by young poets of the Moscow State Psychological and Pedagogical University

Liu Qin Lin,
Master student, Jilin University, Hainan, China

The article discusses the features of the poetic vision of the world by students of the Moscow State University of Psychology and Education.

Keywords: Poetry young, semantic-stylistic features, the main themes and images, the basic motives of creativity of young poets.

References

1. Belyaeva N.V. View on modern poetry // Society. Wednesday. Development. 2009.
2. Zaytsev V.A. On the artistic and stylistic trends in Russian poetry of the XXI century // Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology. 2009. No. 4.
3. Kotova N.A. Modern spiritual poetry. Diss. On competition of a scientific degree. Academic article candidate of philological Sciences. n. M., 2008.
4. Mahmudova S. M. Rutul literature. Makhachkala: The Peoples Of Dagestan. 2008.
5. Fateeva N.A. Poetry as a philological discourse. 2nd edition. M.: languages of Slavic culture. 2017.